

- [Предисловие к книге "О чае"](#)
- [Чаша человечества](#)
- [Школы чая](#)
- [Даосизм и дзен](#)
- [Понимание искусства](#)
- [Цветы](#)
- [Тимейстеры \(мастера чая\)](#)

Окакура. «Книга о чае»

Предисловие к книге "О чае" 1

Чаша человечества 3

Школы чая 7

Даосизм и дзен 11

Понимание искусства 22

Цветы 26

Тимейстеры (мастера чая) 31

Предисловие к книге "О чае"

Собираясь выпустить седьмое издание этой книги издатель просил меня написать предисловие к ней.

Я не был лично знаком с г. Окакура, но его репутация, как ученого, художественного критика и вдохновенного учителя, давно установилась в Японии. Это обстоятельство, в соединении с тем, что я узнал о г. Окакура из его многочисленных книг; побудило меня с радостью согласиться выполнить просьбу издателей.

Окакура, по существу, является продуктом старой Японии. Рожденный всего десять лет спустя после того, как американская эскадра под начальством командора Перри посетила Японию, он был воспитан в строгом повиновении моральному кодексу самураев, этого цвета феодальной Японии, - хотя в зрелые годы он изучал литературу и философию запада, корни его интеллектуальной жизни скрываются в классиках востока. Чутко воспринимая лучшие элементы западной культуры, он до конца сохранил преклонение перед идеалами востока и перед цивилизацией и культурой, взрожденными на почве Азии. Глубоко признательный за все то, чем западная цивилизация способствовала вала "возрождению" Японии, он, тем не менее придавал громадное значение нравственным и умственным способностям, которые на протяжении столетий развивались под влиянием чисто восточной цивилизации. В убеждении, что восток должен сделать важный вклад в сокровищницу мировой мысли, он много времени посвящал литературной работе, стараясь таким образом познакомить запад с культурой и идеалами востока.

Окакура был основателем и в течение десяти лет президентом Государственной Академии изящных искусств в Токио. Он принимал также деятельное участие в организации Государственного археологического комитета, целью которого было охранять и изучать древнее искусство Японии. В 1897 году он отказался от поста президента академии и основал в предместьях Токио частную школу под названием "Нииппон Биджютсу" или Японский Институт искусства. Здесь он был руководителем и вдохновителем японской молодежи в изучении искусства. В нем жила душа артиста и поэта, которая свободно парила в светлом царстве мысли и воображения, и он обладал существенными качествами великого учителя.

Позже он провел несколько лет в Америке. В течение некоторого времени он поддерживал связь с восточным отделом Бостонского музея

изящных искусств. Возможно, что именно в то время он выпустил в свет свою "Книгу о чае". Прошли года, с тех пор, как она впервые появилась, но невидимому, книга эта завоевывает себе все расширяющиеся круги читателей так что понадобилось новое издание.

Быть может, тайна этого неумирающего интереса к книге скрывается в том факте, что эстетическое чувство и язык искусства универсальны. Окакура был художник и его стиль апеллирует к художественному чутью ж его читателей. В сущности, и книга эта трактует об искусстве. Для нас, или по крайней мере, для тех из нас, кто посвящен в это "Ча-но-ю", "Ритуал чая", кажутся почти приложением искусства к жизни. Всякий, кто хорошо знаком с кодексом чайной церемонии, должен обладать умением регулировать свое поведение во всех случаях жизни с легкостью, достоинством и грацией, присущими утонченности. По счастью, вопреки духу современного индустриализма, который постепенно проникает в нашу страну, Япония не утратила своего старинного искусства "Ча-но-ю", которое так много способствует очарованию ее национальной жизни.

Я не берусь обсуждать церемонию "Ча-но-ю". Эта задача изумительно выполнена Окакурой на следующих страницах. Насколько я знаю, никакой другой автор не делал попытки эстетической интерпретации "ритуалов чая". Конечно, никто другой, японец или иностранец, не сумел дать западу такого тонкого, очаровательного изображения чайной церемонии, как Окакура. Я чувствую глубокое удовлетворение при мысли, что эта книга продолжает удерживать внимание читающей публики запада.

Часто говорят, что идеалы востока возникают из совершенно особых принципов. Они могут отличаться от идеалов запада, но и те и другие в своих относительных сферах, реальный и правдивы и рассчитаны на то, чтобы поддерживать великое здание мировой культуры. Будем надеяться, что эта книга может оказаться для западного читателя средством для понимания восточной культуры, и что, благодаря ей, восток и запад сумеют лучше работать вместе для поддержания непрерывного мирового прогресса и для продвижения общего благополучия человечества.

Т.Матсудаира.

Чаша человечества

Чай был сначала лекарством, а после сделался напитком. В Китае, в восьмом столетии, чай вошел в область поэзии, как средство утонченного развлечения. В пятнадцатом столетии чай возвысился до религии эстетизма-тиизма. Тиизм - это культ, основанный на поклонении прекрасному среди низости повседневного существования. Этот культ предписывает чистоту и гармонию, тайну милосердия во взаимных отношениях романтизм социального порядка. По существу, это - культ Несовершенного, поскольку он представляет слабую попытку совершиться что-то, возможное в условиях того невозможного, что мы называем жизнью.

Философия чая - это не просто эстетизм в обычном значении слова, ибо она, соединяя в себе этику и религию выражает наше представление о человеке в природе. Это - гигиена, потому что она побуждает к чистоте; это - бережливость, потому что она учит находить комфорт в простом, скорее чем в сложном и дорогом; это - моральная геометрия, поскольку она определяет наше чувство меры по отношению к миру. Эта философия олицетворяет настоящий дух восточной демократии, делая всех своих приверженцев аристократами по вкусам.

Долгая изолированность Японии от всего мира, ведущая к самоуглубленности, благоприятствовала развитию тиизма. Наша домашняя жизнь и привычки, наш костюм и кухня, фарфор, лакировка, живопись, даже ваша литература, - все испытывало на себе его влияние. Всякий изучающий культуру Японии, не может пренебречь этим фактом.

Тиизм проник и в элегантные будуары и в жилище смиренных. Наши крестьяне научились расставлять цветы, и заурядный чернорабочий обращается с приветом к скалам и водам. В нашей обыденной речи мы говорим о человеке, что в нем "совершенно нет чая", когда он нечувствителен к трагикомической стороне личной драмы. И мы говорим о неукротимом эстете, который, не обращая внимания на мирскую трагедию, бросается стремглав в весенний поток освобожденных эмоций,- что в нем "слишком много чая".

Постороннего наблюдателя, быть может, удивит, что из-за пустяков подымается такой шум. Какая буря в чашке чая, - скажет он. Но когда подумаешь, как в конечном счете, мала чаша человеческого наслаждения, как часто она переливается через край слезами, как легко осушить ее до дна

в нашей неутолимой жажде бесконечного, мы не должны порицать себя за то, что мы сделали проблему из чайной чашки. Человечество делало хуже. Мы слишком предавались культу Вакха, мы прославили даже кровавый образ Марса. Почему же не посвятить себя Королеве Камелий, почему не радоваться теплоте потока сочувствия, который течет от ее алтаря. Жидкий янтарь в фарфоре цвета слоновой кости может дать посвященному ощущение соприкосновения с мягкой сдержанностью Конфуция, с остротой Лаотсе и с эфирным ароматом самого Сакиямуни.

Те, кто не могут чувствовать ничтожности великого в себе, склонены также недосматривать величия малого в других. Средний человек запада, в своем самодовольстве, будет смотреть на чайную церемонию, как на еще один пример тех тысячи и одной странностей, которые олицетворяют для него причудливость и ребячество востока. Он привык смотреть на Японию, как на варварскую страну, в то время как она кротко наслаждалась миром, и он стал называть ее цивилизованной с тех пор, как она устроила кровавую бойню на Манчжурских полях. За последнее время появилось очень много комментариев в кодексу самураев, этого искусства смерти, которое заставляет наших солдат находить радость в самопожертвовании. Но едва ли кто-либо заинтересовался тиизмом, который в значительной степени представляет наше искусство жизни. Пускай мы лучше останемся варварами, если наше стремление к цивилизации должно основываться на мрачной славе войны. И лучше мы подождем того времени, когда должное уважение будет оказано нашему искусству и нашим идеалам.

Когда же наконец запад поймет или постарается понять восток? Мы, азиаты, часто приходим в ужас от той курьезной паутины фактов и выдумок, которая сплетается относительно нас. О нас пишут, что мы питаемся запахом лотоса, а то и мышами и тараканами. Это - или бессильный фанатизм, или отвратительная болтливость. Духовная утонченность Индии высмеивается, как невежество, благоразумие китайцев, как глупость, японский патриотизм, как результат фатализма. О нас рассказывают, что мы менее чувствительны к боли и к ранам по причине грубости нашей нервной организации.

Почему не потешиться на наш счет. Азия возвращает комплимент. Было бы еще много пищи для веселья, если бы Вы могли знать все то, что было выдуманно и написано нами о Вас. Эти истории полны очарования, создаваемого перспективой, в них - бессознательное преклонение изумления и в них же молчаливая неприязнь к новому и неизвестному (неясному). Вас награждали добродетелями, слишком утонченными, чтобы им завидовать, и обвиняли в преступлениях, слишком живописных, чтобы

их осуждать. Наши писатели прошлого, - мудрецы, которые знали, - осведомляли нас, что у нас пушистые хвосты, запрятанные где-то в складках Вашей одежды, и что у Вас часто бывает на обед фрикассе из новорожденных младенцев. Нет, за Вами числится что-то еще даже и похуже: мы привыкли думать, что вы - самый невозможный народ в мире, потому что Вы, будто бы, никогда не исполняете того, что проповедуете.

Эти неправильные представления у нас быстро исчезают. Торговля принудительно ввела европейские языки во многих восточных портах. Азиатская молодежь стремится в западные университеты, чтобы получить современное образование. Мы не можем глубоко проникнуть в сущность Вашей культуры, но по крайней мере, мы ходим узнать.

Некоторые из моих соотечественников усвоили слишком многие из Ваших обычаев и Ваш этикет, ошибочно думая, что крахмальные воротники и шелковый цилиндр охватывают все достижения нашей цивилизации. Как бы ни было печально и достойно сожаления такое заблуждение, оно все-таки выражает нашу готовность приблизиться к западу на коленях. К несчастью, позиция запада неблагоприятна для понимания востока. Христианский миссионер поучает, но не учится сам. Ваши сведения о нас основаны на нескольких переводах из нашей огромной литературы, отчасти же на анекдотах, рассказанных случайными путешественниками. И лишь редко случается, что рыцарское перо Левкадио Хиерна или же автора "Паутина индийской жизни" озаряет мрак востока факелом наших собственных чувств.

Быть может, распространяясь слишком много о культуре чая, я тем самым выдаю свое незнание ее принципов. Самый дух учтивости требует, чтобы Вы сказали лишь то, что от Вас ожидается, но не больше. Но я не собираюсь быть вежливым тиистом. Так уже много зла буюо причинено взаимным непониманием нового и старого миров, что не следует извиняться тому, кто вносит свою лепту для продвижения взаимного понимания. Начало двадцатого столетия было бы избавлено от зрелища кровавой бойни, если бы России снизошла лучше узнать Японию. Какие ужасные последствия для человечества вытекают из презрительного пренебрежения к восточным проблемам.

.Европейский империализм, который не считает ниже своего достоинства поднять нелепый крик о "желтой опасности", не отдает себе отчета о том, что Азия тоже может живо почувствовать кровавое значение белой опасности. Вы можете смеяться над нами за то, что в нас "слишком много чая", но разве мы не сможем подозревать, что Вы, люди запада, совсем не имеете "чая" в своей организации.

Давайте прекратим эту войну эпиграммами двух континентов, и, быть может, совместное обладание половиной земного полушария сделает нас более мудрыми и серьезными. Мы развивались по различным линиям, но нет причины, почему один не может дополнять другого. Внутреннее беспокойство толкало Вас распространяться все дальше, а мы создали гармонию, которая слишком слаба, чтобы выдержать натиск извне. Поверите ли Вы. В некоторых отношениях восток в лучшем положении, чем запад. До настоящего рвем времени человечество встречалось лишь за чашкой чая. Это - единственная азиатская церемония, которая пользуется всемирным уважением. Белый человек насмеялся над нашей религией и нашими правами, но без колебания принял коричневый напиток. Теперь послеобеденный чай - это важная функция в западно-европейском обществе. Легкое постукивание подносов и блюдец, мягкий шелест женского гостеприимства, общий спрос относительно сахара и сливок дают Вам знать, что культ чая установился вне всякого сомнения. Философская покорность гостя судьбе, ожидающей его в виде сомнительного варева, говорит о том, что в этом единственном отношении восточный дух восторжествовал.

Говорят, что самое раннее упоминание о чае в европейской литературе находится в сообщении одного арабского путешественника, что после 879 года главным источником доходов в Кантоне были налоги на соль и чай. Марко Поло отмечает отставку одного китайского министра финансов в 1285 году за произвольное увеличение налогов на чай. Только уже в период великих открытий европейцы начали узнавать больше относительно крайнего востока. В конце шестнадцатого столетия голландцы привезли новость, что приятный напиток делается на востоке из листьев какого-то куста. Путешественники джиовани Батиста, Раммузио /1559/, Л.Алмейда /1576/, Маффено /1588/, Тарейра /1610/ также упоминали о чае. В 1610 году корабли голландской Остиндской компании впервые привезли чай в Европу. Во Франции он сделался известен в 1636 году и достиг России в 1638 году. Англия приветствовала чай в 1650 г. и говорила о нем так: "Этот прекрасный и всеми врачами одобряемый напиток, называемый китайцами "тча", а другими нациями "тэ", иначе "тее".

Как это было со всеми хорошими вещами в мире. пропаганда чая встретила с оппозицией. Еретики в роде Хенри Сэйвиля /1678/ заявили, что чаепитие - это отвратительный обычай. Ион Эанузэй /"Этюды о чай" 1756/ сказал, что, по-видимому, мужчины теряют свою стройность и привлекательность, женщины - свою красоту, благодаря употреблению чая. В начале стоимость его /около пятнадцати или шестнадцати стеригов за

фунт/ не допускала широкого потребления и сделала чай "царским угощением, предметом для подарка принцам и вельможам". Но несмотря на такие отрицательные качества, питье чая распространялось с поразительной быстротой. В первой половине восемнадцатого столетия кофейни Лондона фактически сделались чайными, где находили себе убежище такие умы, как Аддисон и Стиль, которые коротали время над чашкой чая. Напиток вскоре сделался жизненной необходимостью - предметом обожания. Это, кстати напоминает нам о том, какую важную роль играет чай в новой истории, Колониальная Америка покорялась притеснениям, пока человеческое терпение не пошатнулось благодаря чрезмерному обложению чая налогами. Американская независимость ведет свое начало с тех пор, как ящики с чаем полетели в воду Бостонской гавани.

Есть утонченное очарование во вкусе чая, которое делает его неотразимым и способным стать предметом идеализации. Западные юмористы быстро научились смешивать аромат своей мысли с ароматом чая. Чай не бросает вызов, как вино, в нем нет самодовольства кофе, нет в нем и жеманной невинности какао. Уже в 1711 году "Спектатор" говорит: "Поэтому я особенно рекомендовал бы эти свои соображения всем упорядоченным семействам, которые каждое утро уделяют часок для чая с хлебом и маслом; и я настойчиво посоветовал бы им, для их же добра, приказать, чтобы эта газета аккуратно подавалась на стол и считалась частью чайной сервировки". Самюэль Джонсон дает свой собственный портрет, как "закоренелого и бестыдного чаепийца, который в течение двадцати лет запивал свою еду только настоем этого очаровательного растения; который за чаем приветствовал утро".

Чарлз Лэмб, горячий сторонник тиизма, заставил звучать его верные ноты, когда писал, что для него величайшим удовольствием было делать добро потихоньку, и чтобы после это случайно обнаружилось. Ведь тиизм есть искусство внушать мысль о том, о чем не смеешь говорить. Это - благородное побуждение осмеивать самого себя с тонким спокойствием, и оттого тиизм - это воплощение юмора, улыбка философии. Все настоящие юмористы могут в этом смысле называться - "философами чая", например, Мсерей.и, конечно, Шекспир. Поэты декаданса /а когда мир не был в состоянии декаданса/ в своем протесте против материализма также, до некоторой степени, открыли дорогу тиизму. Теперь, быть может, восток и запад, к взаимному утешению, смогут встретиться в созерцании Несовершенного.

Таоисты рассказывают, что при великом начале Безначального Дух и

материя столкнулись в смертном бое. Наконец Желтый Император, Сын Неба, восторжествовал над Шухиунгом, демоном тьмы и земли. Титан в своей предсмертной агонии ударился головой о свод солнца и вдребезги разбил голубой купол из яшмы. Звезды лишились своих гнезд, месяц бесцельно блуждал в бездне ночи. В отчаянии Желтый Император искал повсюду мастера для починки неба. Ему не пришлось искать напрасно. Из Восточного моря поднялась королева, божественная Ниука, с рогами и драконовым хвостом, блистающая в своем огненном вооружении. Она спаяла пятицветную радугу в своем волшебном котле и починила китайское небо. Но говорят также, что Ниука забыла заполнить две маленькие трещинки в голубой тверди. Так начался дуализм любви - две души бесприютно блуждают в пространстве, пока не соединятся, чтобы завершить вселенную. Каждый должен снова и снова строить свое небо надежды и мира.

Небо современного человечества, действительно разбито в циклопической борьбе за власть и богатство. Мир нащупывает свой путь во тьме эгоизма и вульгарности. Знание покупается ценой нечистой совести. Добро творится из выгоды. Восток и запад, словно два дракона, брошенные в море брожения, напрасно стараются снова обрести сокровище жизни. Нам нужна Ниука, чтобы загладить ужасное опустошение. Мы ожидаем великого Аватдра. А тем временем давайте выпьем чаю. Вечерний свет горит на бамбуках, фонтаны нежно журчат и шелест сосен слышен в напеве кипящего чайника. Будем мечтать о нирване и погрузимся в чарующую бессмысленность окружающего.

Школы чая

Чай - это произведение искусства и он нуждается в руке мастера, чтобы выявить его благороднейшие качества. У нас есть хороший и плохой чай, как у нас есть хорошая и плохая живопись - главным образом, последняя. Не существует единого рецепта для приготовления хорошего чая, как нет правил для создания Тициана или Сессона. Каждое отдельное приготовление листьев имеет свою индивидуальность, свое собственное сродство с водой и теплотой, свои наследственные воспоминания, особый метод, для того, чтобы рассказать его историю. Всегда оно должно заключать в себе истинно-прекрасно. Как много мы теряем благодаря тому, что общество не в состоянии осознать этот простой закон искусства и жизни. Поэт эпохи Сунгов Лихилаи с грустью отмечает, что в мире есть три обстоятельства, вызывающие глубокое сожаление: порча хорошей молодежи неправильным воспитанием, унижение прекрасной живописи вульгарным почитанием и напрасная трата хорошего чая неумелым приготовлением.

Подобно искусству, чай имеет свои периоды и школы. Его эволюцию можно, в общем, разделить на три главные стадии: чай кипяченый, взбитый и настоенный. Наше поколение принадлежит к последней школе. Эти различные методы приготовления напитка показательные для духа того времени, когда они преобладают. Ведь наши бессознательные поступки постоянно выдают наши сокровенные мысли, да и вся наша жизнь является их выражением. Конфуций сказал, что «человек не скроется». Сможет быть стесняем себя в мелочах потому, что в нас таится так мало великого. Мелкие происшествия часть повседневной рутина, так же показательный для расовых идеалов, как и высокий полет философии и поэзии. Подобно тому, как разница в методах уборки винограда отмечает отдельные пристрастия и склонности различных периодов и национальностей Европы, так и идеалы чая характеризуют настроения восточной культуры. Плиточный чай, кетовый кипятили, порошкообразный чай, который взбивали, и листовой чай, который настаивали. обозначают различные эмоциональные импульсы китайских династий Танг, Сунг и Минг. Если бы мы чувствовали склонность заимствовать избитую терминологию классификации искусства, мы бы могли соответственно обозначать школы чая, как классическую, романтическую и натуралистическую.

Чайное растение, происходящее из Южного Китая было с давних пор

известно китайской ботанике и медицине. Чай упоминается в классических сочинениях под разными именами: Тоу, Тое, Чунг, Кхэ и Минг, и его превозносили за то, что он обладает способностью облегчать усталость, радовать душу, укреплять волю и исправлять зрение. Его предписывали не только для внутреннего применения, но и для внешнего в форме пасты, для облегчения ревматической боли. Таоисты заявляли, что чай - это важный ингредиент эликсира бессмертия. Буддисты употребляли его в большом количестве, чтобы не засыпать во время долгих часов размышления.

К четвертому и пятому столетиям чай сделался излюбленным на питаем у жителей долины Янтсе-Кианга. К этому же времени чай стал называться "ча", очевидно испорченное классическое "тау" Поэты южных династий оставили некоторые фрагменты своих пылких гимнов в честь "пены жидкой яшмы". Императоры того времени обычно дарили чай своим высшим чиновникам в награду за услуги. На этой стадии метод приготовления чая напитка был крайне примитивен. Листья пропаривались, растирались в ступке, из них делали плитку и варили вместе с рисом, имбирем, солью, апельсиновой коркой, пряностями, молоком, а иногда и с луком. Этот обычай сохранился и до настоящего времени у тибетцев и у некоторых монгольских племен, которые делают любопытный сироп из всего этого. Русские научились пить чай в китайских караван-сараях, и их обычай пить чай с лимоном указывает на пережиток старого метода.

Потребовался гений династии Тангов, чтобы вывести чай из этого примитивного состояния и довести до конечной идеализации. Луву, в середине восьмого столетия, был первым апостолом чая. Он был рожден в эпоху, когда буддизм, таотизм и конфуцианизм искал взаимного синтеза. Пантеистический символизм времени вызывал стремление отражать микрокосм в макрокосме. Поэт Луву видел в чайном обряде тот же порядок и гармонию, что царят во всех вещах. В своем знаменитом труде "Чакинг" (священное писание чая) он формулировал чайный кодекс. С тех пор его стали почитать как бога-покровителя китайских чайных купцов.

"Чакинг" состоит из трех томов и десяти глав. В первой главе Луву рассуждает о природе чайного растения, во второй - о приспособлениях для сбора листьев, в третьей - о выборе листьев. По его мнению, листья высшего качества "должны иметь складки, как на кожаных сапогах татарского всадника, должны загибаться, как губы быка, разворачиваться, как туман, поднимающийся из оврага, блестеть как озеро, чуть тронутое зефиром и быть мягкими и влажными, как земля, недавно омытая дождем".

Глава четвертая посвящена перечислению и описанию двадцати

четырёх предметов, составляющих чайный прибор, начиная с жаровни с тремя ножками и кончая бамбуковым шкафиком для хранения всех этих вещей. Здесь можно отметить пристрастие Луву к символизму, свойственному даосам. Кстати, здесь интересно проследить влияние чая на китайскую керамику. Хорошо известно, что китайский фарфор возник в результате попытки воспроизвести прекрасный оттенок яшмы, и во время династии Танга на юге появилась голубая глазурь, а на севере - белая. Луву считал голубой цвет идеальным для чайной чашки, так как он усиливает зеленоватый оттенок напитка, в то время как белый цвет делает чай розоватым и безвкусные на взгляд. Такое мнение было связано с тем, что Луву употреблял плиточный чай. Впоследствии, когда тимейстеры династии Сунга пристрастились к порошкообразному чаю, они предпочитали тяжелые чашки темно-синего или темно-коричневого. Минги любили пить свой настоенный чай из легкой посуды белого фарфора.

В главе пятой Луву описывает метод приготовления чая. Он устраняет все ингредиенты, кроме соли. Он останавливается также на много раз подвергавшемуся обсуждению вопросу о выборе воды и степени ее кипячения. По его мнению, вода горных родников - самая лучшая, затем следует речная и ключевая. Существуют три стадии кипения: первая, когда маленькие пузырьки, вроде рыбьего глаза, плавают по поверхности; вторая, когда пузырьки похожи на хрустальные бусы, рассыпанные в воде источника; третья, когда вода бурно-подымается в чайнике. Плиточный чай поджаривается перед огнем, пока не сделается мягким, как рука ребенка, потом его разминают в порошок между двумя листами тонкой бумаги. Соль кладется при первой стадии кипения, чай - при второй. При третьей вливается полный ковш холодной воды, чтобы осадить чай и оживить "юность воды". После того напиток разливался в чашки, и его пили. О, нектар. Прозрачный листочек висле, как легкие облака в ясном небе, или плавал, словно водяная лилия в изумрудных струях. Об этом напитке писал Лотунг, поэт династии Танга: "Первая чашка увлажняет мои губы и горло, вторая уничтожает одиночество, третья исследует мои сухие внутренности, чтобы в результате найти в них тысяч пять томов странных знаков; четвертая чашка вызывает легкую испарину, - все печали жизни уходят через поры; с пятой чашкой я чувствую себя очищенным, шестая возносит меня в царство бессмертных, седьмая - ах, но я уже больше не могу. Я чувствую лишь дыхание прохладного ветра, которое подымается в моих руках. Где Хораисан? Дайте же мне улететь туда на крыльях легкого ветра".

Остальные главы "Чакинга" трактуют о вульгарности обычных

методов чаепития, приводят историческое резюме знаменитых потребителей чая, описывают чайные плантации Китая, дают иллюстрации изменений в чайной сервировке и посуде. Иллюстрации, к сожалению, потеряны.

Появление "Чакина", должно быть, произвело в свое время значительную сенсацию. Луву был фаворитом императора Тайсунга (763-779) и его слава привлекла многих последователей, говорят, что некоторые тонкие знатоки могли отличить чай, сделанный Луву от чая приготовленного его учениками. Один мандарин обессмертил свое имя тем, что не мог оценить чай, приготовленный этим великим мастером.

Во время династии Сунгов "взбитый чай" вошел в моду и создал вторую школу чая. Листья размельчались в тонкий порошок на маленькой каменной мельнице, затем порошок всыпался в горячую воду и взбивался в ней с помощью мутовки, сдаданной из расщепленного бамбука. Новый процесс повел к некоторым изменениям в чайном приборе Луву, а также и в выборе листьев. Соль вышла из употребления навсегда. Энтузиазм в отношении чая среди публики династии Сунг не имел границ. Любители соперничали друг с другом, стараясь открыть новые сорта, и настоящие турниры устраивались, чтобы решить, на чьей стороне преимущество. Император Киасунг (1101-1124), который был слишком большим артистом, чтобы быть хорошим монархом, щедро тратил деньги на получение редких видов.

Он сам написал диссертацию о двадцати родах чая, среди которых он особенно высоко ставит "белый чай", как обладающий самыми редкими и прекрасными качествами.

Идеалы чая Сунгов отличались от идеалов Тангов, как отличались один от другого их воззрения на жизнь. Они старались осуществить то, что их предшественники пытались символизировать. По воззрениям неоконфуцианцев, космический закон не отражается в мире явлений, но мир явлений сам олицетворяет космический закон Вечнойть - это лишь момент. Нирвана всегда достижима. Даосское воззрение, что бессмертие заключается в вечной смене, проникало весь их образ мысли. Их интересовали не факты, но самый процесс. Жизненно важным представлялось не завершение, но стремление к завершению, выполнение. Таким образом, человек становился сразу же лицом к лицу с природой. Новое представление превратилось в искусство жизни. Чай, который был поэтическим иремяпровождением, сделался одним из методов самоосуществления. Вангюченг восхвалял чай "как призыв, наполняющий его душу, и нежная горечь чая напоминает ему о привкусе хорошего

совета". Сотуппа писал о силе незапятнанной чистоты в чае, которая не боится тления, как настоящий добродетельный человек. Среди буддистов южная секта дзен, которая объединила большинство доктрин даоизма, установила сложный ритуал чая. Монахи собирались перед изображением Бодхидхармы и пили чай из общей чаши, как будто принимая святое причастие. Это был тот ритуал секты дзен, который впоследствии развился в японскую чайную церемонию пятнадцатого столетия.

К несчастью, внезапное вторжение монгольских племен в тринадцатом столетии, имевшее следствием опустошение и покорение Китая под варварским господством императоров йен, разрушило все достижения культуры Сунгов. Местная династия Мингов пыталась предпринять возрождение национальности в середине пятнадцатого столетия, но она была сметена междоусобиями, и Китай опять родпал под чуждое иго ман чжуров в семнадцатом столетии. Привычки и обычаи изменились так, что не осталось и следа прежних времен. Порошкообразный чай совершенно вышел из употребления. Мы находим, что комментатор эпохи Мингов затрудняется вспомнить форму мутовки для взбивания чая, с которой упоминается у одного из классиков эпохи. Теперь чай подучается путем погружения листьев в горячую воду, налитую в чашку или бокал. Причина того, что западный мир не знает старых методов чаепития заключается в факте, что Европа познакомилась с чаем только в конце эпохи Мингов.

До последнего времени китайский чай считался очаровательным напитком, но не идеальным. Долговременные несчастья Китая лишили китайца интереса к смыслу жизни. Он сделался современным, т.е. старым и разочарованным. Он потерял ту возвышенную веру в иллюзии, которая обуславливает вечную юность и свежесть поэтов и древних. Он - эклектик и любезно принимает традиции вселенной. Он играет с природой, но он не снисходит до того, чтобы покорить или обоготворить ее. Его чайный листик часто обладает изумительным ароматом цветов, но романтическое очарование церемониала Тангов и Сунгов уже исчезло из его чайной чашки.

Япония, которая шла по стопам китайской цивилизации, знакома со всеми тремя стадиями чая. Мы читаем, что еще в 729 году император Шому устраивал чай для ста монахов в своем дворце в Нара. Листья, вероятно, были ввезены нашим посланником при дворе Тангов и готовились, согласно обычаю того времени. В 801 году монах Саихо привез семена и посадил их в Ёисане. В записках о последующих столетиях есть сведения о чайных плантациях а также и о том, что аристократия и

духовенство любили этот напиток. Чай эпохи Сунгов достиг нас в 1191 году, когда Еисаизенджи, ездивший изучать южную школу Зон, вернулся домой. Новые семена, которые он привез, были с успехом посажены в трех местах, одно из которых, район Уджи близ Киото, и сейчас считается производящим лучший в мире чай. Принципы южной школы распространились с поразительной быстротой, а вместе с ними и чайная церемония и чайный идеал Сунгов. К пятнадцатому столетию под покровительство главнокомандующего японской армией, Ашикага Вошинана, чайная церемония вполне выкристаллизовалась и сделалась независимой и светской процедурой. С той поры тиизм установился в Японии. Употребление настоянного чая у нас - сравнительно недавнего происхождения, оно стало известно только с середины семнадцатого столетия. Оно вытеснило прошкообразный чай из общего употребления, хотя последний все еще продолжает держивать свое место, как чай чаев.

Именно в японской чайной церемонии идеала чая достигают своего кульминационного пункта. Наше успешное сопротивление вторжению монголов дало нам возможность проводить движение Сунгов, прерванное в самом Китае набегами кочевников. Чай у нас сделался больше, чем идеализацией формы чаепития, он стал религией искусства жизни. Напиток - это лишь предлог для культа чистоты и угон ченности, священный обряд, в котором хозяин и гость соединяются, чтобы сообща почувствовать высшее блаженство, доступное мирянину, Чайная комната была оазисом в печальной пустыне существования, где усталые путники могли встречаться, чтобы пить из одного источника приближения к искусству. Вся церемония была драмой - импровизацией, сюжет которой сплетался вокруг чая, цветов и живописи. Ни одного резкого цвета, нарушающего общий тон комнаты, ни одного звука, расстраивающего ритм вещей, ни одного лишнего жеста, ни слова, чтобы разбить гармоническое единство окружающего, все движения должны быть просты и естественны, - вот что было целью чайной церемонии. И странно, то, что иногда это достигалось. За всем этим скрывалась тонкая философия. Тиизм был скрытым даосизмом.

Даосизм и дзен

Связь дзен с чаем вошла в поговорку. Мы уже отметили, что чайная церемония развилась из ритуала дзен. Имя Лаотсе, основателя даосизма, также тесно связано с историей чая. В китайском школьном руководстве относительно происхождения нравов и обычаев сказано, что церемония угощения гостя чаем началась с Куаниня, известного ученика Лаотсе, который впервые предложил "старому философу" чашку золотого эликсира у ворот Ханского выхода. Мы не будем останавливаться на обсуждении праведоподобия таких рассказов, которые, однако, так как подтверждают давнее употребление напитка даосами. Наш интерес к даосизму и дзену в данном случае заключается, главным образом, в тех идеях относительно жизни и искусства, которые нашли свое воплощение в так называемом тиизме.

К сожалению, до настоящего времени, как будто бы нет хорошего изложения доктрин даоизма и Дзен на каком-либо иностранном языке, хотя и было несколько похвальных попыток.

Перевод всегда лишь измена оригиналу и, как отмечает один из авторов эпохи Мингов, в лучшем случае, представляет лишь обратную сторону парчи: все нитки видны, а не рассмотреть тонюго изящества рисунка и красок. Но разве существует, вообще, такая великая доктрина, которую легко изложить. Древние мудрецы никогда не облекали своего учения в систематическую форму. Они говорили парадоксами, потому что боялись высказать истину лишь на половину. Они начинали говорить, как глупцы, а в конечном счете, их слушатели становились более мудрыми. Сам Лаотсе, с его несколько странным юмором, говорит: "Если люди, интеллектуально низкие, слушают учение Дао, они умирают от смеха. Это не было бы Дао, если бы они не смеялись."

Слово "Дао" буквально означает "путь". Оно переводилось, как "Путь", "Абсолют", "Закон", "Природа", "Высший разум", "Модальность". Эти попытки передачи нельзя считать неправильными, потому что термин этот употребляется самими даосами в различном значении, в зависимости от трактуемого предмета. Сам Лаотсе говорил об этом так: "Есть вещь, которая все об"емлет, которая была рождена раньше существования неба и земли. Какое одиночество, какое молчание. Она стоит одна и не изменяется. Она вращается без опасности для себя и является матерью вселенной. Я не знаю ее имени вот я называю ее "Путь". Не хочется мне

называть ее "Обесконечностью". Бесконечность- это мимолетное, мимолетное- это исчезающее исчезающее - это возвращающееся. Учение Дао - это, скорее, переход, чем "Путь". Это дух космического изменения, вечный рост, который возвращается "на круги своя", чтобы произвести новые форяы. Он кусает свой хвост, как дракон излюбленный символ даосов. Он свивается и развивается, как облака. О дао можно говорить как о великом переходе. Выражаясь субъективно, это - настроение вселенной. Ее абсолют в относительном. Прежде всего надо помнить, что даосизм, как и его законный приемник дзен, представляет индивидуалистический уклон южно-китайского ума, в противовес коммунизму Северного Китая, который нашел свое выражение в конфуцианстве. Среднее Королевство по величине равняется Европе и представляет громаднейшее разнообразие вкусов и пристрастий, разграничиваемое двумя большими системами рек, пересекающих ее.

Янтсе-Кианг соответствует Средиземному морю, а Хоанг-Хо-Балтийскому. Даже до настоящего времени, несмотря на столетия объединения, южанин Небесной империи, в своих мыслях и верованиях отличается от своего северного брата, как члены латинской расы от тавтонов. В старые времена, когда сообщение было даже хуже, чем теперь, и особенно в течение феодального периода, эта разница в образе мысли была чрезвычайно ярко выражена. Искусство и поэзия южан и северян живут и дышат в совершенно различных атмосферах. У Лаотсе и его последователей, а также у Кутсугена, предшественника поэтов природы Янтсе-Кианга, мы находим идеализм, совершенно несовместимый с прозаическими этическими воззрениями современных ему северных писателей. Лаотсе жил за пять веков до н.э.

Зародыши воззрений даосизма можно найти задолго до появления Лаотсе, прозванного длинноухим. Древние записи Китая, особенно "Книга изменений" является прообразом его мыслей. Но то большое уважение, которым пользовались законы и обычаи этого классического периода китайской цивилизации, достигшего своего кульминационного пункта с установлением династии Чоу в шестнадцатом столетии перед христианской эрой, на долгое время задержало развитие индивидуализма. Только после падения династии Чоу и основания бесчисленных независимых королевств, индивидуализм получил возможность расцвета в роскоши свободной мысли. Лаотсе и Соши /Чуангтсе/ были оба южане и самые видные представители новой школы. С другой стороны, Конфуций со своими многочисленными учениками стремился сохранить условные понятия предков. Нельзя понять даоизм, не имея некоторого представления о

конфуцианстве, и наоборот.

Мы уже сказали, что абсолютное даоизма является относительным. Даосы смеялись над законами этики и моральным кодексом общества, потому что для них правильное и неправильное были понятиями относительными. Определние всегда ограничивает, - "установленные" и "неизменное" - это лишь термины, выражающие остановку роста. Кузуген сказал: "Мудрые движут миром". Наши стандарты морали возникли из прошлых нужд общества, но следует ли из этого, что общество должно навсегда остаться одним и тем же? Соблюдение традиций обобществления сопряжено с постоянным принесением индивидуума в жертву государству. Образование, с целью поддерживать великое заблуждение, поощряет некоторый вид невежества. Людей не учат бить действительно добродетельными, а только вести себя хорошо. Мы злы, потому что мы слишком много о себе думаем. Мы никогда не прощаем другим, ибо мы знаем, что мы сами неправы. Мы носимся со своей совестью, потому что боимся сказать правду другим. Мы ищем убежища в гордости, так как боимся сказать правду самим себе, как можно серьезно относиться к миру, если он сам такой смешной. Дух торгашества царит повсюду. Честь и целомудрие... Взгляните на самодовольных продавцов добра и истины. Можно даже купить, так называемую религию, которая представляет из себя обыкновенную мораль, освященную цветами и музыкой. Отнимите у церкви ее аксессуары, что останется. Однако, все эти учреждения процветают на диво, потому что цены до нелепости дешевы, - молитва за билет на небо, диплом на почетное гражданство. Скорее прячьтесь под спуд, ибо, если Ваша настоящая полезность обнаружится, Вас очень скоро спустят на публичному аукционе по высшей цене. Почему мужнины и женщины так любят рекламировать себя. Не будет ли это инстинкт, оставшийся от дней рабства.

Действенность идеи заключается не только в ее силе, чтобы прорваться через толщу современной мысли, но и ее способности направлять последующее движение. Даосизм был активной силой во время династии Шинов, в эпоху объединения Китая, откуда он и ведет это свое название. Если бы у нас было время, было бы очень интересно проследить, как повлияла эта эпоха на современных мыслителей математиков, пиоателейцо вопросам юридическим и военным, на мистиков и алхимиков и на позднейших поэтов природа Янтсе-Кианга. Мы не хотели,бы даже пренебречь теми представителями спекулятивной философии, которые сомневались будет ли белая лошадь реальной потому что она белая, или потому что она - непрозрачная Мы упомянули бы также

и о конврсационалистах шести династий, которые, подобно философам дзен, наслаждались спорами о чистом и абстрактном. Но больше всего мы должны воздать должное даосизму за все то, чем он способствовал образованию характера сына Небесной Империи, придав ему известную способность к сдержанности и уточенности, "теплой, как яшма". Китайская история полна примерами того, как приверженцы даосизма, князья и отшельники, следовали учению своей веры о разнообразными и интересными результатами. Каждая сказка вносит свою долю поучения и развлечения. Она полна анекдотов, аллегорий и афоризмов. Хорошо было бы поближе познакомиться и поговорить с очаровательным императором, который никогда не умирал, потому что никогда не жил. Мы могли бы мчаться на ветре с Литое и чувствовать себя совершенно спокойными, потому что мы сами - ветер или же оставаться в воздухе о "престарелым" Хоанг-Хо, который жил между небом и землей, так как он не принадлежал ни тому, ни другой. Даже в той преувеличенной апологии даосизма, которую мы находим в Китае в наши дни, мы можем наслаждаться богатством образов, которого не найдешь ни в каком другом культе.

То главное, что даоизм внес в жизнь Азии, относится к области искусства. Китайские историки всегда говорили о даосизме, как об искусстве быть в мире", ибо учение даоизма относится к настоящему к нам." Это в нас бог встречается с природой и "вчера", отделится от "завтра". Настоящее - это движущаяся бесконечность, настоящая сфера относительного. Относительное ищет становления и находит его в искусстве. Искусство жизни заключается в постоянном приспособлении к нашему окружающему. Даосизм принимает мир, как он есть, и его отличие от конфуцианства и буддизма заключается в том, что он старается найти прекрасное в нашем мире скорби и тревог. Аллегория эпохи Сунгов, изображающая трех дегустаторов уксуса, удивительно выражает направление этих трех доктрин: Сакиамуни, Конфуций и Лаотсе стояли однажды перед сосудом с уксусом - эмблемой жизни - и каждый опустил туда палец, чтобы попробовать содержимое. Прозаический Конфуций назвал его кислым. Будда сказал, что он - горький, а Лаотсе объявил его сладким.

Даосы утверждали, что комедию жизни можно сделать гораздо интереснее, если каждый будет заботиться о единствах. Соблюдать меру вещей и давать место другим, не уступая своей собственной позиции, было секретом успеха в мировой драме. Мы должны знать всю пьесу, чтобы хорошо играть саю роль. Понятие целого никогда не должно теряться в понятии индивидуального. Лаотсе иллюстрирует это своей любимой

метафорой Пустоты: он утверждал, что только в пустоте заключается настоящая сущность, реальность комнаты, например, осуществляется пустым пространством, ограниченным крышей и стенами, но не крышей и стенами самими по себе. Полезность кувшина для воды заключается в пустоте, где можно поместить воду, а не в форме кувшина или материала, из которого он сделан. Пустота всемогуща, ибо она содержит все. Только в пустоте делается возможным движение. Тот, кто способен, содать в себе пустоту, в которую могут свободно входить другие, делается хозяином всех положений. Целое должно всегда господствовать над частью.

Эти идеи даосов оказали большое влияние на наши теории действия, даже на теории фехтования и борьбы. Джиу-джитсу, японское искусство самозащиты, обязано своим названием одному отрывку из "Даотейкинг" В джиу-джитсу защищающийся старается постепенно истощить силу врага непровлечением, пустотой, в тоже время сохраняя свою собственную силу для победы в последней борьбе. В искусстве важность того же самого принципа иллюстрируется значением внушения. Оставляя что-то недосказанным, художник дает зрителю возможность завершить идею, и таким образом, великое произведение искусства неодолимо привлекает наше внимание, пока наконец вы не сделаетесь как бы частью созданного. В нем - пустоте, в которую вы входите и заполняете которую своей эстетической эмоцией.

Тот, кто овладел искусством жизни, является "настоящим человеком" даосов. При рождении он вступает в царство снов, чтобы только пробудиться в действительности в смерти. Он старается притушить свою собственную яркость, чтобы погрузиться в темноту других. Он идет вперед неохотно, как человек, переходящий ручей зимой. Он мешкнет, как будто в страхе перед соседством. Он почтителен как гость. Он колеблется, как лед, готовый растаять, он прост, как кусок необделанного дерева. Он пуст, как долина, и бесформен, как возмущенные воды". Для него три сокровища жизни - это жалость, бережливость и скромность.

Если теперь мы обратимся к дзену, мы найдем, что он подчеркивает учение дао. "Ддзен" - это имя, произведенное от санквитского "Дхиана", что значит : "размышление". Это учение говорит, что благодаря благоговейному размышлению можно достигнуть высшего самоосуществления. Размышление - это один из шести способов на пути, указанном буддизмом, и сторонники дзен утверждают, что Оакиямуни особенно рекомендовал этот метод в своих позднейших наставлениях, когда излагал правила учения своему главному ученику Кашиапа. Согласно традиции, Кашиапа первый патриарх дзен, сообщил тайну Ананде, который в свою очередь, передал ее

последующий патриархам, пока она не достигла Бодхи-Дхарма, двадцать восьмого. Бодхи Дхарма пришел в Северный Китай в начало шестого века и был первым патриархом дзен в Китае. В истории этих патриархов и их доктринах много невыясненного. В философском аспекте, ранний дзен имел, по-видимому сродство, с одной стороны, с негативизмом Нагарджуны, а с другой - с философией, сформулированной Савхаракришей. Как мы теперь знаем основы учения дзен можно приписать шестому патриарху Эно /636-713/, основателю секты дзен на юг. За ним следовал великий Васо /умер в 788 г./, который связал учение дзен с практикой жизни. Хиакуйо, ученик Васо / 719-814/, первый основал монастырь и установил правила для управления им. В последующую эпоху выдвигается особый местный образ мысли, противоположный индуистскому идеализму. Пустые сектанты, в пылу анонсности, оспаривают следующее положение, но и изложении принципов южной секты дзен, бросается в глаза их сходство с учением Лаотсе и даосских конверсационалистов. Уже в "Даотейкинге" мы находим указания относительно значения самососредоточения и необходимости надлежащим образом регулировать дыхание - существенные пункты в практике размышления дзен.

Одни из лучших комментариев в книге Лаотсе были написаны учениками дзен. Ддзен, подобно даосизму, является культом относительного, Один из авторитетов определяет дзен, как искусство чувствовать полярную звезду в южном небе. Истины можно достигнуть, только благодаря достижению противоположностей. Как и даоизм, дзен является горячим защитником индивидуализма. Реально только то, что относится к работе нашего собственного ума. Эно, шестой патриарх, однажды видел двух монахов, наблюдающих как флаг погоды развивается по ветру. Один сказал: "Это ветер движется". Другой сказал: "Нет, это флаг". А Эно объяснил им, что в действительности двигался не ветер и не флаг, но что-то в их собственном уме. Хиакуйо гулял в лесу с учеником, когда заяц вскочил при их приближении. "Почему заяц убегает от тебя: "Потому что он боится меня", был ответ. "Нет", сказал учитель, - "это потому, что в тебе - инстинкт убийства". Этот диалог напоминает другой - Соши /Чаунтсе/, даоса. Однажды Соши гулял с другом по берегу реки. "Как привольно рыбам в воде", воскликнул Соши. И так ответил ему Друг: "Ты - не рыба, как же ты знаешь, что рыбам привольно". "Ты - не я", ответил на это Соши, "как же ты можешь знать, что я не знаю, что рыбам весело".

Дзен часто противопоставлялся правилам ортодоксального буддизма, как даоизм-конфуцианству. Согласно трансцендентальному воззрению учения дзен, слова - это лишь помеха для мысли. Писание буддистов лишь

комментирует личные размышления. Последователи дзен стремились к непосредственному проникновению в природу вещей считая их внешнее выражение лишь помехой к ясному восприятию истины. Именно эта любовь к абстрактному вызвала в дзеннистах склонность предпочитать этюды в черном и белом вычурной яркочасочной живописи классической школы буддизма. Некоторые из дзеннистов сделали даже иконоборцами, в результате своего стремления опознать Будду скорее в самих себе, чем через изображения и символизм. Мы знаем пример, что Танкауошо разбил деревянную статую Будды, чтобы развести огонь в холодный зимний день. "Какое кощунство", сказали испуганные зрители. "Я хочу добыть шафи / драгоценности/ из золы", ответил спокойно дзеннист. "Но ты, конечно, не получишь Шали из этого изображения" был гневный ответ, на который Танка возразил: "Если не получу, значит, это - не Будда, и я не совершаю никакого кощунства". И он повернулся, чтобы погреться над пылающим огнем.

(По преданию, после сожжения изображения Будды в золе находили драгоценности)

Особая заслуга дзена перед восточной мыслью заключается в том, что он придавал такое же значение светскому, как и духовному. Он утверждал, что в великой взаимной связи вещей нет разницы между малым и большим, и что в атоме заключены такие же возможности, как и во вселенной. Стремящийся к совершенству должен открыть в своей собственной жизни отражение внутреннего света. С этой точки зрения особенно знаменательной является организация монастыря у дзеннистов. Каждому члену братства, за исключением аббата, поручалась какая-нибудь специальная работа по обслуживанию монастыря, и любопытно, что заслуженные и пожилые монахи исполняли более неприятную физическую работу, а на поощрников возлагались более легкие обязанности. Такое распределение составляло часть дисциплины дзен, и каждая самая малая работа должна была выполняться в совершенстве. Так многие серьезные дискуссии возникали во время работ в саду или чистки овощей, или приготовления чая. Идеал тиизма целиком возник из этого воззрения дзена относительно великого в малых событиях жизни. Даоизм образовал базис для эстетических идеалов, дзен сделал их практическими.

Европейский архитектор, воспитанный в традициях каменных и кирпичных сооружений, едва ли сочтет наши постройки из дерева и бамбука достойными названия архитектуры. Только недавно один компетентный знаток западной архитектуры отметил изумительное совершенство наших больших храмов и отдал ему должное. Если дело

обстоит так в отношении нашей классической орхитектуры, мы едва ли можем ожидать, чтобы чужой оценил тонкую красоту чайной комнаты, так как принципы ее постройки и украшения совершенна отличаются от западных.

Чайная комната /Сукия/ не претендует быть ничем другим, как лишь только маленьким домиком, соломенной хижиной, как мы ее называем. Слово "Сукия" значит "приют" фантазии" /значение первоначальный идеографов/. Впоследствии разные темейстеры вставили китайские знаки на место прежних, соответственно их концепции чаной комнаты, и термин "Сукия" может теперь означать "убежище пустоты" или же "убежище несимметрического". Это - приют фантазии поскольку он представляет воздушную постройку, предназначенную укрывать поэтический импульс. Это - приют пустоты, поскольку он лишен всяких украшений, за исключением тех, которые помещаются в комнате, чтобы удовлетворить некоторым эстетическим потребностям момента. Это - убежище несимметрического, поскольку оно посвящено культу Несовершенного, и в нем намеренно оставлено кое-ято незаконченным, чтобы дать место полету завершающей фантазии. Начиная с 16-го столетия, идеалы тиизма оказали такое влияние на внутреннее убранство обыкновенного японского дома, в смысле крайне простоты и целомудрия в замысле обстановки, что иностранцу он может показаться почти пустым.

Первая чайная комната, как таковая была созданием Сенно-Соэки, который обычно известен под своим позднейшим именем Рикью, и который был величайшим из всех тимейстеров. В шестнадцатом столетии под покровительством Таико Хидейоши, он установил и довел до высокой степени совершенства обрядовую сторону чайной церемонии. Размеры чайной церемонии. Размеры чайной комнаты были предварительно определены Йово, знаменитым тимейтером пятнадцатого столетия. Чайная комната, в своем первоначальном виде представляла просто часть обыкновенной востинной, отгороженную ширмой для целей чаепития. Отгороженная часть называлась "Какой" /загородка/, название, и сейчас применяющееся в отношении чайных комнат, которые устроены в доме и не представляют независимых построек.

Сукия состоит из чайной комнаты собственно, предназначенной вмещать не больше, чем 5 лиц - число, наводящее на мысль об изречении: "Больше чем граций, меньше, чем муз": из передней /мидсуйя/, где моется и расставляется чайная посуда, перед тем, как внести ее в комнату; портика /макиаи/, где ожидают гости, пока их не пригласят войти в чайную комнату, и садовой дорожки /роджи/, которая соединяет макиаи с чайной комнатой.

Внешний вид чайной комнаты очень прост. Она меньше, чем самый маленький из японских домов, а материалы, из которых она строится, предназначены производить впечатление утонченной бедности. Но мы должны помнить, что все, что в целом является результатом глубокого художественного замысла, и что детали были выработаны с тщательностью, может быть большей, чем приходится затрачивать при постройке богатейших дворцов и храмов. Хорошая чайная комната стоит дороже, чем обыкновенный особняк, потому что выбор материалов, а также выполнение требуют большой предусмотрительности и точности. Действительно, строительные рабочие, занятые в этой отрасли, образуют особый и пользующийся почетом класс среди ремесленников, так как их работа менее тонка, чем работа изготовителей лакированных шкафов.

Чайная комната не только отличается от произведений западной архитектуры, но и представляет резкий контраст с классической архитектурой самой Японии. Наши древние благородные постройки, как светские, так и духовные были внушительны, даже по своим размерам. Те немногие, которые уцелели от губительного пожара веков, все еще способны внушать жуткое чувство своим величием и богатством украшения. Массивные деревянные колонны, от двух до трех футов в диаметре и от тридцати до сорока в высоту, поддерживали, с помощью сложной сети подпорок, громадные балки, которые стояли под тяжестью покрытых черепицей покатых крыш. Материал и способ постройки, хотя и ненадежные в противопожарном отношении, оказались устойчивыми против землетрясений и хорошо подходили к климатическим условиям страны. Золотой Холл Хориуджи и Пагода Якушидхи представляют замечательные примеры прочности нашей деревянной архитектуры. Фактически эти строения простояли ненарушимо в течение почти 12 веков.

Внутреннее убранство старых храмов и дворцов было очень пышно. В храме Худо/, в Удже, построенном в десятом столетии, мы все еще можем видеть вычурные навесы и золоченные балдахины, разноцветные и выложенные зеркальным стеклом и перламутром, а также остатки живописи и скульптуры, которые когда-то покрывали стены. В позднейшее время в Никко и в замке Ниджо в Киото мы видим, как структурная красота приносится в жертву богатству орнаментации, которая по цвету и выполнению деталей может сравняться с чрезмерной пышностью арабских и мавританских построек.

Простота и пуризм чайной комнаты возникли в результате рвения дзеннистского монастыря. Этот монастырь отличается от других поскольку он - лишь жилое помещение для монахов. Его часовня - не место для

религиозного культа или паломничества, но университетская ауднтоия, где студенты собираются для дискуссий или практики размышления. Комната пуста, за исключением центральной ниши, в которой позади алтаря стоит статуя Бодхи-Дхарма, основателя сект или Сакьямуни вместе с Кафияпа и Ананда, двумя старейшими патриархами. Дзен. На алтаре стоят цветы и курится ладан в память великих заслуг эмх мудрецов. Мы уже упоминали о том, что именно монахи Дзен установили обряд чаепития из круговой чаши перед изображением Бодхи-Дхарма, что и послужило основой для возникновения чайной церемонии. Можно здесь добавить, что алтарь дзеннитской часовни был прообразом таконома-почетное место в японской комнате, где помещаются обыкновенно живопись и цветы для поучения гостей.

Все наши великие тимейстеры были студентами дзен и пытались провести дух дзена в практическую жизнь. Таким образом, чайная комната, как и другие детали чайной церемонии, отражает многие доктрины дзен. Размер ородоксальной чайной комнаты, равняющийся четырм с половиной матам иди десяти квадратным футам, определяется одним отрывком из Сутра Викрамадиться. В этом интересном произведении говорится, как Викрамадитья приветствует святого Манджушири и восемьдесят четырех учеников Будды в комнате такого размера - аллегория, основанная на теории несуществования пространства для истинно- просвещенного. Затем роджи, садовая дорожка, которая ведет из макиаи в чайную комнату, означала первую стадию размышления, - переход к самоозарению. Роджи предназначалась, чтобы прервать сообщение с внешним миром и вызвать обновленное настроение, подготовительное к полному наслаждению чувством прекрасного, в самой чайной комнате. Тот, кто проходил когда-либо по этой дорожке, вспомнит многое . . . Он вспомнит и прозрачный полумрак вечнозеленых деревьев, под которыми он проходил, и правильную неправильность каменных плит под ногами, и сухие иглы сосен на землю, и поросшие мхом гранитные башенки, и то, как душа его постепенно возвышалась над будничными маслами. Можно быть в центре города - все же чувствовать себя как-будто в лесу, далеко от пили и сутолоки цивилизации. Тимейстеры обнаружили большое искусство в воспроизведении этих эффектов ясности и чистоты. Характер переживаний, которые должны были возбуждаться у проходящего через роджи, изменялся в зависимости от тимейстера. Некоторые, как Рикью,стремились вызвать чувство крайнего одиночества, они говорили, что секрет устройства роджи содержится в старинной песенке:

Смотрю вперед, - и нет цветов

И ярких листьев нет.
А там, на берегу морском,
Стоит один пустынный дом
на желтизне песков,
И призрачно горит на нем
вечерний свет,
осенний свет...

Другие, подобно Кобори Эншью, искали много эффекта. Эншью сказал, что идею садовой дорожки можно найти в следующих стихах:

Листва деревьев над волной,
И море в искрах золотых
под бледною луной.

Нетрудно угадать его мысль. Он стремился создать образ вновь пробудившейся души, которая никак не может стряхнуть с себя туманные сны прошлого, но уже радостно тянется к льющемуся ей навстречу мягкому призрачному свету сладкого небытия и жаждет той свободы, которая лежит где-то там, за пределами достижимого.

Подготовленный таким образом, гость молчаливо подходит к святилищу и, если он - самурай, оставляет свой меч на решетке под стропилами, так как чайная комната - это, главным образом припев мира. Затем он низко наклонится и вползет в комнату через маленькую дверь, не больше, чем три фута ввысоту. Все гости, знатные и простые одинаково, должны пройти через это, - так пробуждается в них чувство смирения. Еще отдыхая в мадаи, гости уже сговариваются относительно порядка при входе в комнату, и так они бесшумно входят один за другим и, прежде чем занять свое место, склоняются перед картиной, или цветами на токонома.

Хозяин войдет в комнату лишь тогда, когда все гости уже уселись и между ними царит молчание, прерываемое лишь пением воды в железном котелке. Хорошо поет вода, потому что пластинки железа на дне устроены так, что они производят свою особую мелодию. В ней можно уловить и эхо водопадов, окутанных облаками, и далекий шум моря разбивающегося на скалах, и раскаты грома в Бамбуковой роще, и вздохи сосен где-нибудь на далеком холме.

Даже в дневное время в комнате царит полумрак, так как низкие стропила покато́й крыши мешают солнечным лучам проходить в комнату. Потолок, пол и все предметы в комнате отличаются спокойными, мягкими тонами. Так-же одеты и гости, со вкусом и незаметно. Все в комнате уютно-старомодно, чувствуется, что все современное изгнано из обстановки, и только в одном звучит нота контраста: бамбуковый ковш для разливания и

полотнянная скатерп Оба безукоризненно белы иновы.Какими-бы тусклыми не казались чайная комната и сервиз, все абсолютно чисто. Ни одной пылинки нельзя найти даже в самом темном углу, а если найдешь, это значит, что хозяин - не тимейстер. Самое главное, что требуется от тимейстера - это, чтобы он умел подметать, чистить и мыть, ибо уборка и наведение чистоты - это тоже искусство. При чистке старинных металлических вещей надо воздерживаться от неразборчивого усердия голландской домашней хозяйки. Если с цветов в вазе капает вода, не надо ее вытирать, - это напомианет о росе и прохладе.

Вспоминается кстати одна история с Рикью, которая хорошо иллюстрирует воззрения тимейстера на чистоту. Рикью наблюдал,каи его сын Йоан подметает и поливает садовую дорожку. "Не достаточв чисто", сказал Рикью, когда сын окончил свою работу, и велел ему начать снова. Прошел целый час, и сын снова обратился к отцу:

"Отец, больше уж нечего делать. Ступени я вымыл уже три раза, каменные башенки и деревья опрыснуты водой, мох сверкает свежей зеленью, на земле не осталось ни одной веточки, ни одного листа" "Глупый ты," ворчал тимейстер, "разве так подметают садовую дорожку". Говоря это, Рикью спустился в сад, тряхнул дерево и рассыпал по саду золотые и алые листья, кусочки осенней парчи. Не только чистоты требовал Рикью, но также и красоты и естественности.

Название "Приют фантазии" вызывает представление о постройке, предназначенной удовлетворять некоторые индивидуальные художественные запросы. Чайная комната создается для тимейстера а не тимейстер для чайной комнаты. Она не предназначается для потомства, а потому онаэф^емерна. Мысль, что каждый должен иметь свой собственный дом, основана на старом японском обычае, что каждый дом должен быть покинут после смерти его главного обитателя. Может быть, в основе такого обычая лежит какое-нибудь неосоаданное гигиеническое соображени. Согласно другому старому обычаю, молодожены должны селиться во вновь отстроенном доме. Этими обычаями об"ясняется, что в старые времена столицы часто переносились с места на место. Каждые двадцать лет храм Изы, богини солнца, перестраивался. Последнее может служить примером того,как до настоящего времени удерживаются старые обряды. Соблюдение этих старых обычаев делается возможным только благодаря той фор". ме постройки, которую выработала наша деревянная архитектура, по стройки, котораялегко сносится и легко собирается снова. Стиль более прочный, применение кирпича и камня,. сделали-бы такие переселения невозможными, как это случилось, когда после периода Нара пошли в ход

более устойчивые и массивные деревянные сооружения Китая.

В пятнадцатом столетии индивидуалистическая доктрина Зеи получила преобладание, и старая идея прониклась более глубоким содержанием в связи с чайной комнатой. Буддизм с его теорией тщетности и преобладания духа над телом считал дом только временным убежищем для тела, и самое тело было лишь хижинкой в пустыне, хрупкой постройкой из связанных вместе трав, что растут- вокруг. Как только разрывалась их связь, они вновь возвращались в свое первоначальное состояние. В структуре чайной комнаты эта мысль о бренности и проходящести всего отразилась в соломенной крыше, хрупкость - в тонких колоннах, легкость - в бамбуковых подпорах, наружная небрежность - в употреблении простых материалов. Вечное должно чувствоваться только в духе, который воплотившись в этой простой обстановке, делает не прекрасной, озаряя ее возвышенным светом своей уточненности.

Принцип жизненности в искусстве диктует, чтобы чайная комната соответствовала некоторому индивидуальному вкусу. Искусством, чтобы найти себе полную оценку, должно быть верным современной жизни. Не то, чтобы мы хотели пренебрегать требованиями потомства, но мы должны больше наслаждаться настоящим. Но пройдем мы также без внимания мимо великих творений прошлого, но они должны претвориться в нашем сознании. Рабское подражание традициям и формулам скрывается в выражении индивидуальности в архитектуре. Плакать хочется над теми бессмысленными подражаниями европейским постройкам, которые можно видеть в Японии наших дней. Мы удивляемся, почему у более передовых европейских наций архитектура так лишена индивидуальности так полно повторения устаревших стилей. Может быть сейчас в искусстве мы проходим через какую-то стадию демократизации, в ожидании появления великого мастера, который утвердит новую династию. Я хотел бы, чтобы мы больше любили старых мастеров и меньше их копировали. Было сказано, что греки потому были великими, что никогда не заимствовали у древних.

Термин "Жилище пустыни", помимо того, что напоминают о даосской теории Всесодержащего, связав еще с идеей непрерывной потребности в перемене мотивов убранства. Чайная комната абсолютно пуста за исключением того немногого, что временно помещается в ней для удовлетворения самого аскетического вкуса. На этот случай в комнате помещается какой-нибудь специальный предмет искусства, и все остальное подбирается и расставляется так, чтобы усилить красоту главной темы. Невозможно в одно и то же время слушать различные музыкальные вещи,

ибо настоящее восприятие прекрасного возможно только при сосредоточении, внимания на каком-нибудь прекрасном центральном мотиве. Отсюда ясно, что система убранства нашей чайной комнаты совершенно противоположна западной, где дом часто превращается в музей. Для японца, привыкшего к простоте убранства и к частым изменениям в методе украшения, западная комната, наполненная картинами, статуями и безделушками, создает впечатление просто вульгарного хвастовства богатством. Надо иметь очень тонкое чувство, чтобы всегда наслаждаться видом художественного произведения, даже исключительно прекрасного, и безгранична должна быть способность к художественному восприятию у того, кто может из дня в день жить среди такого смешения красок и форм, которое так часто наблюдается в европейских и американских домах "Жилище несимметричного". Создает представление иной фазы развития нашей декоративной схемы. Отсутствие симметрии в японских предметах искусства часто комментировалось западными критиками. Несимметричность также является результатом проработки идеалов даоизма через дзен. Конфуцианизм глубоко коренящийся в той идее дуализма и северный буддизм с его почитанием троит несколько не противились выражению симметрии. Действительно, если изучать древние бронзы Китая, или религиозное искусство династии Танг и периода Пара, приходится отметить постоянное стремление к симметрии. Обстановка нашего классического интерьера была определенно правильной в своем расположении. Однако же, понятия совершенства у даосов и дзен были совершенно различны. Динамический характер их философии придавал больше значения самому процессу путем которого достигалось совершенство, чем самому совершенству. Настоящую красоту может различить лишь тот, кто мысленно завершил несовершенное. Действительность жизни и искусства заключается в их возможности роста. Каждому гостю чайной комнаты предоставляется в воображении пополнить общий эффект в отношении к себе. С тех пор, как дзен сделался преобладающей формой мысли, выражения не только законченного, но и повторения. Однообразие рисунка считалось губительным для свежести воображения. Поэтому ландшафт, птицы и цветы сделались излюбленными предметами изображения, в предпочтение человеческой фигуре, которая представлялась в лице самого зрителя. Часто мы бываем излишне заметные и даже самолюбование делается монотонным.

В устройстве чайной комнаты чувствуется постоянный отблеск перед повторением. Рядные предметы убранства должны быть так выбраны, чтобы ни один цвет, ни один рисунок не повторялись. Если есть живые

цветы картина с цветами недопустима. Если чайник круглый, кувшин для воды должен быть угловатый. Чашка с черной глазурью не должна соединяться с черной лакированной чайницей. Когда ваза помещается на курильнице для ладана на алтаре, надо чтобы она не попала как раз в центр и не развалила бы пространства на две равные части. Колонны таконома должны быть сделаны из иного дерева, чем все другие в комнате, чтобы устранить всякую мысль о монотонности.

В этом опять японский метод убранства отличается от западного, на западе предметы располагаются симметрично на каминной доске или еще где-нибудь. В домах на западе нам часто приходится наблюдать то, что нам кажется бесслезным повторением. Мы находим, что очень мучительно говорить а человеком, в то время, как его портрет во весь рост выглядывает из-за его спины. Мы думаем, кто же настоящий портрет или тот, кто говорит с нами, и испытываем странной чувство, что один из них обман. Сколько раз, сидя за накрытым столом, мы отдавались, во вред нашему пищеварению, созерцанию картин изобилия на окнах столовой. Для его эти изображения жертв охоты и забавы, эта вычурная резьба, изображающая рыб и плоды, нечем эта выставка фамильной посуды, напоминающая о тех, которые здесь обедали, а теперь уже мертвы.

Простота в чайной комнате, полное отсутствие вульгарности в ней, делает ее настоящим святилищем, убежищем от волнений вышнего мира. Там и только там можно спокойно и всецело отдаться почитанию Прекрасного. В шестнадцатом столетии чайная комната предоставляла желанное место отдыха для свирепых воинов и государственных деятелей, принимающих участие в деле объединения и возрождения Японии. В семнадцатом столетии, после того, как утвердился суровый формализм господства Токугава, чайная комната единственно создавала возможность для свободного общения артистически-настроенных умов. Перед великим произведением искусства не было различия между дайме, самураем и простым человеком. В наши дни во всем мире индустриализм делает настоящую утонченность все более и более трудной. Разве не больше, чем когда-либо нуждаемся мы в чайной комнате?

Понимание искусства

Слыхали ли вы даосскую сказку об укрощении Арфы? Давным-давно тому назад, во времена седой древности, в ущельях Лунгмен стояли дерево Кири, настоящий король леса. Высоко поднимало оно свою голову, чтобы говорить со звездами. Корни его глубоко уходили в землю, и их бронзовые изгибы сплетались там с серебряными кольцами/дер/ дракона, что спит внизу. И случилось, однажды, что могущественней волшебник сделал из этого дерева чудесную арфу и только величайший из музыкантов мог укротить ее непокорный дух. Долгое время инструмент хранился у китайского императора, но напрасны были усилия тех, которые один за другим пытались пробудить мелодию на ее струнах. В ответ на их старания арфа отвечала лиюь глубокими нотами презрения, не подходящими к песням, которые они хотели бы петь Арфа отказалась признать мастера.

Наконец пришел Пейсу, принц арфистов. Нежной рукой он стал ласкать рафу, как ласкают непокорную лошадь, и мягко коснулся стиун. Он пел о природе и о временах года, высоких горах и бегущих вода, и все воспоминания ожили в душе дерева. Снова опять легкое дыхание весны трепетало в его ветвях. Маленькие водопады, танцую по ущелью пересмеивались с раскрывающимися цветами. И сейчас же затем слышались сонные голоса лета, жужжание мириадом насекомых, мягкое постукивание дождевых капель, жалоба кукушки. Слушай: ревет тигр, и долина отвечает ему. А вот осень. В пустыне ночи месяц острый, как лезвие меча сверкает на морозной от инея трава. Теперь уже царит зима. Стаи лебедей кружатся в снежном воздухе, и сухо стучит град, и со свирепой радостью он ударяет по ветвям.

Заново настроил арфу Пейусу и запел о любви. О Лес качался, как пылкий юноша, погруженный в вдумчивость. Высоко над ним, как гордая девушка.. скользило светлое, прекрасное облако и проходят растилало за собой по земле длинные тени, черные как отчаяние. И снова переменял строй Прейсу. Он запел о войне, о бряцании стали и топоте коней. И в арфе пробудились буря ущелья Лунгмен, серебряный дракон помчался на молнии, гремящая лавина пронеслась через холмы. В восторге монарх небесной империи спросил Пейусу, в нем заключается секрет его победы. "Господин", - ответил певец "Другие потерпели неудачу потому, что пелилишь о себе. А я представил арфе избрать тему, и, по правде сказать, я не знаю, была ли арфа Пейусу или Пейусу был арфой."

Эта история хорошо иллюстрирует тайну понимания искусства. Художественное провидение - это симфония, разыгранная на наших тончайших чувствах. Настоящее искусство - это Пейусу, а мы - арфа Лунгмен. При волшебном прикосновении прекрасного тайные струны нашего существа пробуждаются, и мы вибрируем и звучим в ответ на его призывы Ум говорит уму. Мы прислушиваемся к неясному, мы смотрим на невидимое. Художник заставляет звучать ноты, о которых мы и сами ничего не знали. Давно забытые воспоминания возвращаются к нам новым значением. Надежды, раздавленные страхом и желания, в которых мы не осмеливаемся признаться, выступают в новом сиянии.. Наш ум - это, будто, холст на котором художник накладывает свои краски. Их пигменты созданы из наших эмоций, игра света и теней в них соткана из радости и печали. Художественное произведение - это мы сами, и мы же, как составная часть, входим в художественное произведение

Общение родственно настроенных умов, необходимое для понимания искусства, должно основываться на взаимных уступках. Зритель должен подготавливаться к восприятию идеи художника, а художник - знать, как передать ее. Тимейстер Кобори Эншоу, который сам был дайме, завещал нам такие памятные слова: "Подходи к великому художественному произведению, как если бы ты подошел к великому владыке". Чтобы понимать художественное произведение, вы должны низко склониться перед ним и ждать, задержав дыхание, его самого мимолетного призыва. Один знаменитый критик эпохи Сунгов сделал однажды следующее очаровательное признание: "В дни молодости я восхвалял художника, картины которого мне нравились, но по мере того, как мое суждение делалось более зрелым, я стал хвалить себя самого за то, что меня привлекал в картине тайный замысел автора, и что я уже мог его понимать. Как жаль, что лишь немногие из нас действительно берут на себя труд изучать настроение художника. Благодаря нашей упорной косности, мы отказываемся быть, хотя бы немного учтивыми по отношению к нему, и таким образом часто не в состоянии увидеть сокровище красоты, рассыпанных перед нашими глазами. У всякого художника всегда есть что-то для нас, но мы ходим голодные единственно потому, что не можем понять и оценить."

Для понимающего художественное произведение делается живой реальностью, оно влечет и привязывает к себе тесными узами. Художники бессмертны, потому что мы снова и снова переживаем их любовь и их страхи. Нас захватывает скорее душа, чем рука, человек, чем техника, - чем больше человеческого таит в себе призыв, тем глубже наш ответ на него.

Эта тайна взаимного понимания между мастером и нами приводили к тому, что читая поэму, или роман, мы плачем и радуемся с героем и героиней.

Чикаматсу, наш японский Шекспир, выставляет как один из первых принципов драматической композиции, необходимость для автора поверять публика свой замысел. Некоторые из его учебников дали ему для отзыва свои пьесы, но только одна из этих пьес ему понравилась, эта пьеса несколько подходила на "Комедию ошибок", в которой братья-близнецы выносят много неприятного из-за того, что их принимают друг за друга "Это и есть", - сказал Чикаматсу, "настоящая драма, потому что она считается с аудиторией. Публике разрешается знать больше, чем актерам, она знает, в чем заключается ошибка, и ей жалко действующих лиц на сцене, которые бессознательно идут навстречу своей судьба.

Великие мастера востока и запада никогда не забывали о роли внушения для передачи мысли автора публике. Кто может созерцать произведение искусства, не чувствуя робости перед той широкой перспективой мысли, которая в нем разворачивается. Как привлекательны эти произведения, как они нам близки. И как, наоборот, равнодушны мы к современным пошлым вещам. В первых мы чувствуем биение теплого человеческого сердца, в последних - лишь формальность выражения. Погруженный в технические детали, современный писатель редко возвышается над самим собой. Подобно музыкантам, которые напрасно старались оживить арфу Дунгмен, он поет только о себе. Его произведения, может быть более научны, но в них не чувствуется человеческого. У нас в Японии есть старое изречение, что женщина не может любить пустого мужчину, потому что в его сердце нет ни одной трещинки, через которую могла бы проникнуть в него и наполнить его любовь. В искусстве пустота оказывается роковой для сочувственного отклика, будет ли это со стороны художника или со стороны публики.

Что может быть выше единения родных душ в искусстве в момент слияния любитель искусства становится выше самого себя. В одно и тоже время это он и, как будто, не он. Его глаза заглянули в бесконечность, но он не может словами выразить свой восторг у глаз нет языка. Освобожденный от оков материи, его дух движется в согласии с ритмом вещей, так искусство роднится с религией и облагораживает человечество. Через это и произведение искусства делается чем-то священным. В старые дни японец относился с благоговением к произведению великого художника. Тимейстеры хранили свои сокровища, окружая их религиозной тайной, и иногда приходилось открывать целую серию ящиков, один в другом, чтобы добраться до раки - шелкового покрывала, в мягких складках которого

лежало святое святых. Редко предмет искусства выставлялся для обозрения, и то только для посвященных.

В те времена, когда занималась заря тиизма, генералы Таико предпочитали получить в дар за победу редкое произведение искусства. Например, в одной пьесе изображается, как дворец лорда Хосоква, в котором сохранялось изображение Дхарма кисти Сессона, внезапно загорелся, благодаря небрежности управителя самурая. Решившись во что бы то ни стало спасти драгоценную живопись, он бросился в пылающее здание и охватил какемоно, но в это время обнаружилось, что все пути выхода отрезаны пламенем. Думая тольк об картине, он одним ударом меча вскрыл свое тело, обернул Сессона оторванным от одежды рукавом и опустил его в зияющую рану. Огонь наконец потушили. Среди дымящихся балок нашли полуобгоревший труп, внутри которого сохранили плачем и сокровище, не поврежденное огнем. Как ни ужасны такие рассказы, они ярко иллюстрируют то, как мы ценим художественное произведение, а также и преданность доверенного самурая.

Мы все же должны помнить, что искусство ценно поскольку оно понятно нам. Оно могло бы быть универсальным языком, если бы мы сами были универсальны в своих склонностях. Ограниченность нашей природы, сила традиций и условностей, а также наши наследственные изстинкты суживают размах нашей способности к художественна у наслаждения. Даже сама наша индивидуальность устанавливает, в некотором смысле, границу нашему пониманию, и наша эстетическая личность имеет своего совственного сродства с творением прошлого. Правда, что о развитии личности наше чувство понимания искусства радируется и мы становился способны наслаждаться многими, раньше не оознваемыми выражениями прекрасного. Но в конечном счете мы видим в мире только свое собственное отражение, - наши особые склонности диктуют наш способ восприятия. Тимейстеры подбирали лишь те предметы, которые точно совпадали с ритмом их индивидуальной оценки.

Тут кстати, вспоминается одна история относительно Кобори Эншью: Его ученики наговорили ему много лестного по поводу того изумительного вкуса, который он обнаружил в подборе своей коллекции. Он говорил: "Каждая вещь такая, что невольно изумляешься. Это показывает, что у вас лучший вкус, чем был у Рикью, ибо его коллекция может встретить должную оценку лишь в одном арителе иж тысячи".

И Эншью печально ответил: "Это лишь доказывает мою заурядность. Великий Рикью дерзал любить только те предметы, которые привлекали его лично, в то время, как я бессознательна подлаживаюсь к вкусам

большинства. Действительно, Рикью бил один на тысячу среди тимейстеров

Очень жаль, что наружный энтузиазм, который в наши дни проявляется по отношению к искусству, не имеет основания в действительном чувстве. В наш демократический век люди гоняться за тем, что всеми признается за лучшее, не считаясь со своим собственным чувством. Они стремятся к дорогому, но не к изысканному, они ищут модного, а не красивого. Для массы рассматривание красивых журналов, достойного продукта его общественного индустриализма, даст большую пищу для эстетического чувства, чем ранние итальянцы или мастера Ашикаро, хотя она и притворяется, что их понимает. ИМЯ Художника для нее важнее, чем качество работы. Так много столетий назад, китайский критик жаловался, что люди критикуют картину при помощи своих ушей. Этим отсутствием настоящего понимания объясняется то громадное количество ложно-классических ужасов, которые приветствуют нас повсюду, куда бы мы не повернулись.

Другой обычной ошибкой является смешивание искусства с археологией. Уважение к старине представляется одной из лучших черт человеколюбивого характера, и желательно было бы, чтобы эта черта культивировалась в наибольшей степени. Старые мастера, по справедливости, должны почитаться, так как они открыли путь к будущим откровениям. Один лишь факт, что они прошли неприкосновенными через века критики и дошли до нас еще в сиянии славы, вызывает наше уважение. Но было бы нелепо оценивать их достижения с мерилем нашей эпохи. И все же мы допускаем, чтобы наши исторические симпатии обогнали наше чувство эстетического суждения. Мы приносим цветы признания, когда художник благополучно уложен в свой гроб. Девятнадцатое столетие, насыщенное идеей эволюции, создало в нас привычку видеть вид, не замечая индивида. Коллекционер ревностно собирает образцы, чтобы иллюстрировать период или школу, и забывает о том, что прекрасное произведение искусства одно может научить нас больше, чем многочисленные образцы посредственной работы данного периода или школы. Мы слишком много классифицируем и слишком мало непосредственно переживаем эстетических эмоций. Принесенные в жертву эстетического метода расстановки экспонатов, так называемому, науяному методу оказалось губительным для многих музеев.

Всякая действительно "жизненная" схема не может пренебрегать требованиями современного искусства. Искусство настоящего действительно принадлежит нам, оно-наше собственное отражение.

Осуждая его, мы осуждаем себя. Мы говорим, что у современной

эпохи нет искусства, но кто ответственен за это. Действительно, постыдно, что вопреки всем нашим поэмам о древних, мы так мало обращаем внимания на наши собственные возможности. Художники, пробивающие себе дорогу, усталые души, томящиеся в тени холодного презрения, - чем им вдохновляться в наш эгоцентрический век. Прошлое могло бы с полным правом взвлянуть с состраданием на бедность нашей цивилизации. Будущее будет смеяться над ничтожностью нашего искусства. Разрушая прекрасное в жизни, мы разрушаем искусство. Я бы хотел, чтобы какой-то великий маг сделал из общества мощную арфу, струны которой запели бы в ответ на прикосновение гения.

Цветы

В колеблющемся полумраке весенних сумерек, когда невнятные переливы птичьего щебетания раздавалось среди ветвей, разве не казалось вам, что птицы говорят со своими друзьями о цветах. Несомненно, в человечестве любовь к цветам выросла одновременно с любовной поэзией. Что другое лучше, чем цветок, милый в бессознательности своей, благоуханный в своем молчании, может служить для нас прообразом распускающейся девственной души. Первобытный человек, когда он впервые поднес своей возлюбленной гирлянду цветов, тем самым возвысился над животными. Так перейдя границу простой естественной необходимости, он становится человеческим. Он вступил в область искусства, когда начал постигать неуловимую необходимость бесполезного.

В радости и печали, цветы - это наши постоянные друзья, с ними мы едины, пьем, поем, танцуем и флиртуем. На крестинах и свадьбах всегда цветы. Даже умереть мы не смеем без них. Лилии с нами, когда мы молимся. Лотос, когда размышляем, розы и хризантемы, когда собираемся в бой. Мы пытались даже говорить языков цветов. Как могли бы мы жить без них. Страшно даже подумать о мире без цветов. Какое утешение приносят они у постели больного какой свет поливают во мглу усталой души. Их неясная нежность возраждает в нас веру в людей, так же как внимательный взгляд прекрасного ребенка пробуждает потерянные надежды. И когда нас положат в землю, они будут печалиться над нашей могилой.

Грустно это, но мы не можем скрыть того факта, что, несмотря на свою дружбу с цветами, мы не далеко ушли от животных. Поскоблите немножко овечью шкуру, и волк внутри нас скоро покажет свои зубы. Ведь было же сказано о человеке, что в десять лет он - животное, в двадцать - безумец, в тридцать - неудачник, в сорок - обманщик, в пятьдесят - преступник. Может быть он делается преступным потому, что никогда не переставал быть животным. Самая большая реальность для нас - это голод, самое священное - наши желания. Одна рана за другой рассыпались в прах перед нашими глазами, но всегда остается неприкосновенным один алтарь, - тот, на котором мы курим ладан нашему верховному идолу - самим себе. Велик наш бог и деньги - пророк его. Мы опустошаем природу для жертвоприношений ему. Мы хвалимся, что победили материю, и забываем, что материн поработила нас. Каких только ужасов мы не совершаем во имя культуры и утонченности.

Скажите мне, милые цветы, - когда вы стоите в саду, вы киваете агнелам, поющим вам о росе и о солнечных лучах, знаете-ли вы. какая ужасная судьба нас ожидает. Мечтайте, качайтесь и наслаждайтесь, пока можете, легким даханием летнего ветерка. Завтра беспощадная рука сомжнется вокруг нашего горла. Вас вырвут, оторвут ваши нежные члены и унесут вас далеко от нашего тихого дома. И та, которая сделает это, может быть, будет прекрасна. Ее руки будут влажны от вашей крови, и она скажет, что вы прелестны. Скажите мне, разве это - доброта? И вашей тюрьмой будут волосы бессердечной женщины или теплица сюртука мужчин, который будь вы людьми, не посмел бы взглянуть вам в глаза. А может сыть вы попадете в узкий сосуд со стоячей водой, и нечем будет вам освежить жажду, порожденную приливом жизненных сил.

Цветы, если вы бывали когда-нибудь в стране Микадо, вы наверное встречали ужасного человека, вооруженного ножницами и маленькой пилой. Он называет себя мастером цветов. Он претендует на звание доктора, и вы инстинктивно ненавидите его, потому что вы знаете, что доктор старается всегда продлить страдания своей жертвы. Он срезает, сгибает и скрючивает вас, заставляя принимать невозможные позы, которые по его мнению, больше подходят вам. Оттерзает ваши мускулы и вывихивает кости, как остеенат. Он прижигает вас на раскаленных углях, чтобы остановить кровотечение и втыкает в вас проволоку, чтобы помочь кровообращению. Он пичкает вас солью, уксусом, квасцами и даже купором, он льет кипяток на ваши ноги, когда вы близки к обмороку. Он гордится тем, что все эти приемы поддержат в вас жизнь на две-три недели дольше, чей это возможно в естественных условиях. Разве не предпочли бы вы, чтобы вас сразу убили, как только вы попади в плен. Какие же преступления могли вы совершить во время вашего первого воплощения, чтобы заслужить такое наказание в этой жизни.

Безумная трата цветов в странах запада еще более ужасна, чем то обращение, которому они подвергаются со стороны тимейстеров на востоке. Число цветов, которые ежедневно срезаются в Европе и Америке для украшения бальных комнат и обеденных столов, и которые назавтра выбрасываются, должно быть громадно: если бы сплести изних гирлянду, она обвила бы весь континент. Рядом с равнодушием к жизни вина флормейстера кажется совершенно незначительной. Он, по крайней мере, уважает экономию природы, он выбирает свои жертвы с заботливой предусмотрительностью, а после их смерти, воздаст почести их останкам. На западе украшение цветами составляет, как бы часть антуража богатства, минутный каприз. Куда пойдут они, все эти цветы, после того, как

окончится празднество. Как это ужасно, когда видишь, что увядший цветок безжалостно выбрасывается на навозную кучу.

Почему так прекрасны цветы и так несчастны. Насекомые могут жалить, и даже самый кроткий зверек защищается, когда на него нападают. Птицы, на которых охотятся из-за красивых перьев для шляп, могут улететь, пушные звери, мех которых вам нужен для шубы, могут спрятаться при вашем приближении. Увы, единственный крылатый цветок, известный нам, это - мотылек, все другие беспомощны перед хищниками. Если они и кричат в агонии смерти, крик их никогда не достигает наших ушей. Мы всегда грубы с теми, кто любит нас и служит нам в молчании, но придет время, и за нашу жесткость, наши лучшие друзья, быть может, покинут нас. Разве вы не замечаете, что с каждым годом все меньше делается диких цветов. Может быть, их мудрецы велели им уйти, пока люди не сделаются более человечными.

Многое можно сказать в пользу того, кто выращивает растения. Тот, кто сажает, гораздо более человечен, чем тот, кто срезает. Отраднее наблюдать, как он позаботился о воде и солнце, как он сражается с паразитами, как он боится морозов, как тревожится, когда почки появляются слишком медленно, как радуется блеску листьев. На востоке искусство цветоводства очень древнее, и роман поэта и его любимого растения часто служит сюжетом песни или рассказа. С развитием искусства керамики в эпоху династий Танг и Сунг, появились изумительные сосуды для цветов, - не горшки, но покрытые драгоценными камнями вазы. За каждым цветком был особый присмотр, и его листья обмывались с помещаю кисти из кроличьих волосков. Писали о том, что пион должен поливаться красивой, нарядно одетой девушкой, зимняя слива - бледным, стройным монахом. В Японии одна из самых популярных опер, Хачиноки, появившихся в период Ашикага, основана на теории о бедном рыцаре, который однажды морозной ночью, за недостатком топлива для поддержания огня губит все любимое растение, чтобы согреть странствующего монаха.

А монах этот, в действительности, никто другой, как Ходхо Токиори Гарун-Аль-Рашид наших сказок, и самопожертвование не остается без награды. Эта опера и в наши дни все еще вызывает слезы у токийской публики.

Редкие цветы охранялись с большой заботой. Император Хуенсунг, из династии Тангов, вешал золотые бубенчики на ветки в саду, чтобы отогнать птиц. Это он предпринимал весной экскурсии с дворцовыми музыкантами, чтобы веселить цветы нежной музыкой. Любопытная

табличка, которую традиция приписывает Иошитсуне, герою наших Артурианских легенд, все еще существует в одном из японских монастырей. Это предупреждение, повешенное для защиты одного чудесного сливочного дерева, и оно обращается к нам с мрачным юмором воинственного века. После упоминания о красоте цветов, надпись гласит: "Кто срежет хоть одну ветку с этого дерева, должен поплатиться за нее пальцем". Я бы хотел, чтобы в наши дни такие законы были направлены против тех, кто легкомысленно уничтожает цветы и портит произведение искусства.

Даже когда мы видим цветы в вазонах, мы склонны подозревать эгоизм в человеке. Зачем отрывать цветы от родной почвы и заставлять цвести в чуждом окружении. Это все равно, что требовать песен от птицы в клетке. Кто знает, быть может орхидеи задыхаются в искусственном тепле наших оранжерей и безнадежно жаждут, хоть взглянуть на свое родное южное небо.

По настоящему любит цветы тот, кто навещает их в их родной обстановке, подобно Тасюенмингу, который сидел перед сломанной бамбуковой изгородью, разговаривая с дикими хризантемами, или Чиуосингу, который забывался в мистическом аромате, когда бродил под цветущими сливами Западного озера в сумерки. Говорят, что Чоумуши спал в лодке, чтобы его сны сливались со снами лотоса. И Тот же дух вдохновлял императрицу Комио, одну из наших знаменитых сластительниц Нара, когда она пела: "Срывая тебя, я оскверняю своей рукой чистоту твою, о цветок. А если ты, как сейчас, стоишь на лугу я приношу тебе Будде прошлого, настоящего и будущего.

Однако же, не будем так сентиментальны. Меньше роскоши, больше величия. Лаотсе сказал: "Небо и земля безжалостны". Кободаиши сказал: "Беги, беги, беги, течение жизни всегда стремится вперед. Умирай, умирай, умирай, смерть приходит ко всем. Куда бы не повернулись, мы стоим перед гибелью. Гибель внизу и вверху, позади и впереди. Единственно вечное - это перемена, - почему не приветствовать Смерть, как Жизнь. Они, лишь обратные стороны одна другой, ночь и день Браммы.

Через распад старого возможно делается возрождение. Мы почитали Смерть, неумолимую и милостивую богиню под разными именами. Это была тень Всепожирающего, которую Гебуру приветствовал в огне. Это - ледяной пуризм острой, как меч души, перед которой Шинто - Япония падает ниц даже и теперь. Мистический огонь уничтожает нашу слабость, свяженный меч разрубает узы желанья. Из нашего праха возникает феникс небесной надежды, свобода порождает высшее осуществление мужества.

Почему не уничтожать цветы, если таким образом мы можем получить новые формы облагораживающие мировую мысль. Мы только зовем их присоединиться к нашему жертвоприношению Прекрасному. Мы искупим свою вину перед ними, посвящая себя Чистоте и Простоте. Так рассуждали тимейстеры, когда они установили культ цветов.

Тот, кто знаком с обычаями наших тимейстеров, заметил должно быть, каким религиозным почитанием они окружают цветы. Срезая цветы, они тщательно выбирают каждую ветвь, каждый побег, все время, как бы руководясь той художественной композицией, которая возникла в их мозгу. Они считают постыдным срезать больше/ чем это абсолютно необходимо. Кстати, надо заметить, что они всегда смешивают цветы с листьями, потому что целью их является предоставить жизнь растения во всей красе. В этом отношении, как и во многих других, их метод отличается от метода, которому следуют в западных странах. Там цветы становятся таким образом, что видна бывает лишь головка или стебель, а тело засунуто, как попало, в вазу.

Когда тимейстер приготовил цветок, он ставит его на токонома, почетной место в японской комнате. Рядом не ставят ничего такого, что могло бы нарушить впечатление от цветка, избегают даже помещать картину, от этого привила отступают лишь в том случае, если соединение дасткакой-либо особый художественный эффект. И цветок красуется на алтаре, как принц на троне, и гости, или ученики, обратятся к хозяину. Художники, писатели берут цветы сюжетом свои произведений. Когда цветок увянет, тимейстер осторожно спускает его в реку или зарывает в землю. И в память цветов иногда ставят памятники.

Искусство расставлять цветы возникло, невидимому, одновременно с тиизмом, в пятнадцатом столетии. Наши легенды приписывают первые такие попытки буддистским святым, которые собирали цветы, сломленные бурей, и, в своей бесконечной любви ко всему живущему, помещал их в сосуды с водой. Говорят, что Соами, великий художник при двор Ашикага-Йошимаза, был одним из первых эдептов этого искусства. Джук тимейстер, был одним из его учеников, а также Сенно, основатель дома Шкенобо, семейства, такого же знаменитого в анналах цветов, как семейство Канос в живописи. С усовершенствованием чайного титуала при тимейстере Рикью в последнюю половину шестнадцатого столетия, искусство расстановки цветов достигло своего полного развития. Рик и его приемники, знаменитые Ота-Вурака, Фурука Орибе, Коэтусу, Кобо: Эншью. Катагири Секишью соперничали друг с другом в изобретении новых комбинаций. Мы, однако, должны помнить, что культ цветов тимейстеров составлял

только одну часть их эстетического ритуала и не сам по себе. ясно выраженной религией. Расстановка цветов, как и произведений искусства, в чайной комнате подчинялась общей схеме убранства. Так, Секишью предписывал, что не надо ставить белле цвет сливого дерева, когда в саду лежит снег, "Кричащие" цветы безжалостно изгонялись из чайной комнаты. Расстановка цветов, выработанная тимейстером, теряет свое значение, если оторвать ее от места, для которого она первоначально назначалась, потому что ее линии и пропорции были взяты в гармоническом соответствии с окружающим.

Культь цветов ради их самих начинается с появлением - флормейстер к середине семнадцатого столетия. Культь этот становится независим с чайной комнаты и не знает других законов, которые диктует ваза. Теперь делаются возможными новые методы и идеи выполнения. Отсюда ВОЕ никло много разных принципов и школ. Один писатель середины прошлого столетия сказал, что он насчитывает сотню различных школ расстановки цветов. Широко обобщая, эти школы распадаются на две главные ветви, Формальную и натуралистическую. Формальные школы - их вождем был йкенобос - ставили своей целью классический идеализм, соответствуют идеям академиков Кано. У нас есть записи о расстановке цветов первыми мастерами этой школы, расстановке, которая почти воспроизводит живопись цветов Сансетсу и Тоуненобу. С другой стороны, натуралистическая школа, как о том говорит самое ее имя, брала своим образцом природу, рекомендуя лишь те изменения формы, которые способствовали выражению художественного единства. Таким образом, мы распознаем в ее работах те же самые импульсы, которые повели к образованию Юкииое и Шиджо школ живописи.

Если бы было время, было бы интересно остановиться более подробно, чем теперь на законах композиции и деталях, сформулированных разными флормейстерами этого периода и показывающих основные теории убранства. Обзор теорий выявляет, что они говорят о Главном Принципе (Небо), о Подчиненном Принципе (Земля) и о Примиряющем Принципе (человек). Расстановка цветов, не осуществлявшая этих принципов, считалась бесплодной и мертвой. Теории подчеркивали также значение того, чтобы цветок рассматривался в трех различных аспектах: формальном, полуформальном и неформальном. О первом можно сказать, что он представляет цветы в пышных костюмах мальной залы, второй - в удобном и изящном послеобеденном платье, третий - в очаровательном дещабилье будуара.

Наши симпатии в вопросе декорировки цветами клонятся скорее на

сторону тимейстеров, чем флормейстеров. Искусство первых - это искусство в его искомой установке и оно нас захватывает, благодаря своей близости к жизни. Мы хотели бы называть эту школу "натурально", в отличие от "ненатуралистической" и "формальной" школ. Тимейстер считает, что его обязанности заканчиваются выбором цветов и цветам предоставляется самим рассказывать свою собственную историю Зимой, входя в чайную комнату, вы можете увидеть нежную ветку дикой вишни в соединении с бутонами камелии; в этом - эхо уходящей зимы вместе с пророчеством о весте. Если вы приходите выпить чаю в раздражающе - жаркий летний полдень, вы найдете, быть может в прохладном полумраке на токоном одну единственную лилию в висячей вазе. Осыпанная росой, она как будто, улыбается суетности жизни.

Интересно соло цветов, но концерт цветов, живописи и скульптуры делается неопределимо очаровательным. Секишью однажды поместил водяные растения в плоский сосуд, чтобы создать представление о растительности озер и болот, а на стене над вазой он повесил картину Соами, изображающую диких уток, летящих в воздухе. Шоха, другой тимейстер соединил поэму о "Красоте одиночества у моря" с бронзовой курильницей для ладана в форме рыбацьеи хижини и несколькими дикими цветами с морского берега. Один из гостей заметил, что, глядя на это соединение, он чувствовал дыхание осени на ущербе.

Историям о цветах нет конца. Мы расскажем еще одну. В шестнадцатом столетии ипомея была у нас редким растением. У Рикью был сад, полный этих цветов, и он обрабатывал свой сад с заботливым старанием. Слух о его вьюнах достиг ушей Таико, который и захотел увидеть сад. Рикью пригласил его в свой дом на утренний час. В назначенный день Таико проходил по саду, но нигде не увидел он даже и следа воюнков. Вся поверхность сада была выравнена и посыпана песком. В угрюмом негодовании деспот вошел в чайную комнату, но там его ожидало зрелище, которое совершенно восстановило его настроение. На токонома, в редкой бронзовой вазе эпохи Сунгов, стоял единственный цветок ипомеи- королевы сада.

В такие минуты мы можем вполне постигнуть значение жертвоприношения цветов. Может быть, цветы и сами это понимают. Они не трусы. как люди. Некоторые цветы прекрасны в смерти, цветы японской вишни, когда они предаются на волю ветра. Всякий, кто стоял перед благоухающей лавиной в Иошино или Арашияма, должен был почувствовать это. Одно мгновение цветы парят в воздухе, как жемчужные облака, и танцуют на хрустальной струе потока. А потом, уплывая вдаль на

смеющейся воде, они, кажется говорят: "Прощай, весна, мы уходим в Вечность."

Тимейстеры (мастера чая)

В религии будущее находится позади нас. В искусстве настоящее - вечность. Тимейстеры считали, что настоящее понимание искусства возможно лишь для тех, кто видит в нем живую связь с жизнью. Так стремились они равнять свою ежедневную жизнь по высокому стандарту утонченности, создаваемому в чайной комнате.

Во всех обстоятельствах надо сохранять ясное спокойствие ума, и надо так вести разговор, чтобы никогда не нарушать гармонии окружающего. Покрой и цвет платья, поза и манера ходить - все должно служить выражением художественной природы. Все это были установки, с которыми приходилось считаться, так как никто не имел права приближаться к прекрасному, пока сам не делался прекрасным. Поэтому тимейстер стремился быть чем-то большим, чем художник, - искусством самим. Для эстетизма это была эпоха дзен. Совершенство разлито повсюду, если мы сами заходим признать это. Рикью любил цитировать старую поэму, в которой говорится: "Тем, кто жаждет увидеть цветы, хотел бы я показать расцвет весны, которая скрывается в набухших почках на покрытых снегом холмах".

Как многогранны были вклады тимейстеров в искусство. Они полностью революционизировали классическую архитектуру и внутреннее убранство и положили основание новому стилю, который описан нами в главе о чайной комнате - стилю, который со времени шестнадцатого столетия оказал свое влияние на архитектуру дворцов и монастырей. Многосторонний Кобори Эншью оставил заметный отпечаток своего гения на государственной вилле Катсура, замках Наджоя и Ниджу и Кохонаском монастыре. Все знаменитые сады в Японии были разбиты тимейстерами. Наше производство посуды никогда не достигло бы такой высокой степени совершенства, если бы тимейстеры не вложили в него искры своего вдохновения. Выделка посуды, употребляемой в чайной церемонии, требовала усиленной изобретательности от наших керамистов. Семь калильных печей Энвю хорошо известны всем, изучающим японскую посуду. Многие из наших тканей носят имена тимейстеров, которые придумали их цвет или рисунок. В самом деле, невозможно представить какую-либо область искусства, в которой тимейстеры не оставили бы отпечатка своего гения, лишним кажется говорить о той огромной заслуге, которая принадлежит им в живописи и лакировке. Одна

из величайших школ живописи обязана своим происхождением тимейстеру Хонами - Коэтсу, который был также известен, как мастер по лакировке и посуде. Рядом с его работами тускнеют великолепные создания его внука. Кого и внучатных племянников Кориэ и Кензана. Вся школа Кориэ, как на это обыкновенно указывается, является выражением тиизма. В широких линиях этой школы мы, кажется, находим жизненность природы самой.

Как ни велико было влияние тимейстеров в области искусства, но ничто в сравнении с тем, которое они оказали на быт. Не тощюже в обычаях воспитанного общества, но также в распорядке всего нашего домашнего обихода мы чувствуем присутствие тимейстеров. Они изобрели многие наши тонкие блюда, ими же выработаны детали сервировки стола. Они приучили нас одеваться в платья только неярких цветов. Они выявили нашу природную любовь к простоте, показали нам красоту смирения. Фактически, благодаря их наставлениям, чай вошел в обиход народа.

Те из нас, кто не знаком с тайной этого, как направлять свое , собственное существование на шумном море пустых волнений, которые мы называем жизнью, - те постоянно чувствуют себя несчастными, хотя и стараются казаться счастливыми и довольными. Мы шатаемся, стараясь поддержать свое нравственное равновесие, и видим предвестников бури в каждом облаке, которое плывет на горизонте. И все же есть радость и красота в тяжелом движении валов, катящихся вперед к вечности. Почему бы не проникнуться духом их, или же подобно этсе, не проехаться на самом урагане.

Только тот, кто жил в окружении прекрасного, может красиво умереть. Последние минуты великих тимейстеров были также полны изысканной утонченности, как и их жизнь. Стремясь быть в согласии с великим ритмом вселенной, они всегда были готовы вступить в неизвестное. "Последний час Рикью" это расцвет трагического величия

Дружба между Рикью и Таико-Хидеюши длилась много лет, и велико было уважение, с которым знаменитый воин относился к тимейстеру.

Но дружба деспота всегда бывает опасной частью. Это был век предательства, и люди не доверяли даже близким родственникам. Рикью не был раболепным придворным и часто осмеливался спорить со своим свирепым патроном. Пользуясь натянутыми отношениями, которые некоторое время существовали между Таико и Рикью, враги последнего обвинили его в участии в заговоре - отравить деспота. Кто-то шепнул Хилейюши, что смертельный яд будет поднесен ему в чаше золотого напитка, приготовленного тимейстером. Подозрения было достаточно для Хидеюши, чтобы отдать приказ о немедленной казни, и никто не дерзнул

оспаривать волю разгневанного повелителя. Осужденному была оказана только одна милость - честь умереть от своей собственной руки.

В день, назначенный для его смерти, Рикбу пригласил своих любимых учеников присутствовать при последней чайной церемонии. В назначенное время печальные гости собрались у входа. Им казалось, что деревья вдоль садовой дорожки дрожат, в шопоте листьев слышатся вздохи бесприютных духов. Как величавые часовые у врат Гадеса, стояли серые каменные башни. Ветер донес изданной комнаты волну благоуханий, - это курился ладан, и это был знак гостям войти. И они вошли один за другим и заняли свои места. Над алтарем висело какомоно-древняя рукопись одного монаха, в жаровне воды, была, казалось, голосом цикады, которая грустно прощается с уходящим летом. Вскоре хозяин вошел в комнату. Каждому поднесли чай, и каждый молчаливо выпил свою чашку, хозяин - самый последний. Согласно установленному этикету, главный гость попросил позволения осмотреть чайный прибор. Рикбу поставил перед ним различные предметы. После того, как все налюбовались на них, Рикбу подарил каждому из собравшихся одну вещь на память. Он сохранил лишь одну свою чашку. "Никогда и никто больше не будет пить из этой чашки, оскверненной устами несчастья", - сказал он и разбил сосуд.

Церемония кончилась. Гости с трудом сдерживали слезы, дают "последнее целование" хозяину и уходят. Только один, самый близкий и дорогой, приглашен остаться и присутствовать при конце. Рикбу снял тогда свое платье, для чего бережно свернул и положил циновку. Под платьем скрывалась белоснежная мантия-одежда смерти. Рикбу долго смотрел на блестящее лезвие розового кинжала и затем сказал ему:

Привет тебе, о меч вечности.

Через Будду и его святой закон

Проложил ты свой путь.

С улыбкой на лице Рикбу отошел в Неизвестное.